

**ЛОБОВЬ МОЯ,
ЛЕНИНГРАД...**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 18 СЕНТЯБРЬ 1970

СМЕНА

**ЖИЗНЬ И РАБОТА
ИВАНА ХОХЛОВА**

Леонид ПЛЕШАКОВ

Седина у Ивана Хохлова появилась рано. В двадцать пять лет. Он хорошо запомнил тот день, когда увидел ее впервые. Утром, как обычно перед полетом, начал бриться и неожиданно заметил на висках два серебряные нити, которых вчера еще не было. Удивился. А когда через неделю седых волос прибавилось, философски рассудил: все у человека происходит от нервной системы.

Накануне того памятного дня он летал над тайгой на рывачей стрекозе «ММ-1» вместе с техником, который вел гравитационные измерения. С воздуха они наводили средн- безыронного лесного моря крошечные платные посадочные площадки. Иван искал вертолет. Техник, недолго колдовал над своей аппаратурой. Потом они взлетали, подыскивали очередную площадку, снова садились. Обычное дело.

За те недолгие месяцы, что Иван работал в Тюменской области, он привнес и успел полюбить труд неподалеку, хлопотливых людей: геологов, сейсмологов, гравиристов, буровиков. Они искали нефть среди непроходимых болот Севера, и он помогал им добираться в самые глухие утолки, куда ни один транспорт не мог доставить человека.

Всех их, людей разных характеров, объединяла одна черта: верность делу. Своим подчиненностям, они заражали всякого, кто оказывался сопрчастным их делу. Вот так и Иван Хохлов, вылетев однажды с помыскавшим в тайгу, неожиданно для себя «заболел» нефтью, хотя раньше, кроме авиации, его ничто не интересовало.

Летать с сейсмологами нравилось больше всего. Посадки гидросамолет где-нибудь на тихом озере или реке, но в ожидании, пока его «классикеры» закончат свои работы, пристравлялся на поплавки самолета уделить охоты. Летать с сейсмологами было легко и приятно.

Но настоящей работой он все-таки считал рыбки на вертолете. Эти небольшие машины тогда только начинали обживать воздушные трассы, и он гордился от сознания, что одним из первых осваивает новую технику. Ему востроном дело, было много неожиданностей, и от мастерства пилота часто зависела и его собственная судьба и судьба машины. Ему нравилось, что на этой вот стрекозе он может сесть на любой крошечный площадок, где самолеты не только не взлетят, но и не развернутся. Он прицеливался и ней с высоты, зависал и плавно, почти вертикально, опускался вниз, пока не чувствовал легкой толчок от сопереиснования машины с землей.

Так было и в тот день.

Заметив мотор с трескот небольшой прогалини среди деревьев, Иван послал бы машину вниз, и тут мотор заглох. Случилось это в горизонтальном полете, можно бы на авторотации планировать к земле, значительно погасив скорость снижения. А теперь, хотя лопасти и вращались от набегавшего воздуха и как-то тормозили падение, вертолет все-таки падал.

Их повезло. Они упали в центре поляны, не зацепив деревьев, к, тогда удар был сильным, машина повреждена не получила. Устранив неисправность в двигателе, Хохлов сумел на ней же лететь дальше. Он даже убедил себя, что не произошло ничего особенного, потому что за то короткое время, что они провисели триста метров над землей, Иван не успел даже испугаться. Он, пожалуй, и забыл бы об этом происшествии, если бы не два седых волоска, замеченных следующим утром. Нервную систему не обманешь.

И тогда для себя Иван сделал вывод, который объяснял позже все своим самым рискованным полетом: а везучи, поэтому со мной ничего не случится.

Эти слова он сказал и на совещании в Москве, где почти в то время первые вертолетчики страны собрались обменяться опытом эксплуатации ковой авиационной техники. Хохлов не собирался выступать, но когда его пригласили на трибуну, он стал говорить о своем непосредственном, подтверждая мысли примерами. Очень большой руководитель гражданской авиации, слушая рассказ Ивана, не выдержал, спросил из президиума:

— А сколько вы налетали часов на вертолете!

— Два тысячи, — ответил Иван.

— И еще жив-здоров! — удивился тот.

— А в везучи, — объяснил Хохлов.

Но и теперь, тринадцать лет спустя, он с той же уверенностью повторяет эти слова, потому что ничем иным, кроме везения, не может объяснить, как ему удавалось выбирать цели и направления из всех вариантов, подстергавшие в полетах. Конечно, мастерство, опыт, отличное знание техники гарантированы от многих непредвиденных случайностей. Но нужно, чтоб немаломо еще и везло, когда такой случайности избежать не удавалось. Той поздней осенью он работал на Ямале. Из поселка Яткиссалк пришла радиотелеграмма: штора оторвала от берега льдину с чулок рыбком. Нужно помочь.

А чем он мог помочь! Настало то время, когда для практически не было. Только к полудню солнце ненадолго поднималось над горизонтом, чтоб, чуть раздвинув утренние сумерки, снова спрятаться, уступая место сумеркам, а затем — да и погода — терпеливой хозяйке собору за бором не выжить. Чем он мог помочь, если видимость — сотня метров, и облака порой опускаются так низко, что приходится лететь наугад, не зная, где вода, где небо, пока, наконец, выравнявшись из молочного плена, не увидишь прямо перед собой зеленую, тяжело переваливающуюся волну Обской губы.

Он думал так не для того, чтоб оправдать свой отказ от полета. Он уже летел. Он думал так, чтоб хоть немного отвлечься от ботаники, которая шваркала «ММ-4» и готовила была вот-вот опронушить его в южную пучину.

Иван гонял вертолет от Янтискае поперек Обской губы следом за ветром, надеясь, что льдина с семью немцами плывет в том же направлении. Потом он разворачивался и шел против ветра к берегу и снова возвращался в море. Пять часов он летал над водой. Но людей так и не увидел.

И вдруг, когда бензин уже был на исходе и они посерули домой, прямо перед ними открылась льдина с чумом и тремя женщинами.

— Где остальные! — крикнул Хохлов Бортмеханику. — Смыло, что ли. Я занесу, а ты сосочи на лед и сажай их быстрее — бензин кончается.

Механик выскочил на льдину, но женщины шаркнулись от вертолета и мертвой хваткой цеплялись в чум.

— Да что ж ты с бабами сладить не можешь! — крикнул в сердцах Иван, जो видел, сладить с ними и впрямь невозможно. Обезумевшие от штора, женщины еще больше испугались неизвестно откуда свалившейся на их головы неведомой машины. — Саргас сам. А то до берега не доберемся.

Механик вскомил. И тут же они натолкнулись на другой обломок льдины. Четверо мужчин зацепились баграми за край льдины и стояли, согнувшись настречу ветру, чтоб не сдуло в воду.

Хохлов завис над средней льдины, махнул рукой: женщина, мол. Те сразу соорбили — инуиски и диерн вертолета.

Сумерки сгустились, и за женщинами решили лететь на следующей утро. Но погода испортилась окончательно. Старик Вануйта, один из четырех спасенных рыбаков, пришел в домик вертолетчиком и сказал:

— Завтра можно не лететь. Ветер немая направляет. Льдину уже обтесало. За ночь ее расколлет. Завтра наших женщины уже не будет. — Вануйта заплакал.

— А ты с нами полетишь, отец! — спросил Хохлов. — Вдруг они снова улетят...

Льдину с чумом нахват быстро. Теперь женщины не сопротивлялись. — Вспоминай эту историю, Иван посмеивается, кто и понимает: быть-хотит в воду вместе с вертолетом в тот раз было делом ихотрим.

Но был в его жизни случай, когда даже он, убежденный оптимист, попорщася с жизнью.

Огромный «ММ-6» вышел из ремонта, и Хохлов должен был обкатать его и проверить работу некоторых узлов. Взлетели, сделали круг. Машина слушалась пилота безупречно. Вышли на прямую, и тут Иван почувствовал, что вертолет стал плавно клониться вправо. Подая руку управления, чтоб выровнять машину, — она ни с места, как бревно. Кинул управление пилоту:

— Попробуй ты!

У того тоже ничего не получается.

А вертолет все клонился и клонился набок. Иван ждал на ручку что было силы, но она не поддавалась.

— Опасная гидросистема, — сказал он. И увидев в бинстер центр города, воскрепу толпу на солнечной улице. «Ну и факел сейчас будет», — мелькнуло в голове, — горячего взяли под завязку...

Жизнь уже поняла, что случилось непоправимо. Бортмеханик кинулся и заавриномо лону.

— Куда! — равинул Хохлов. — Высота триста метров! Все равно — расшибеся.

И тут он сказал:

— Прощайте, товарищи, — и добавил такое, что повторять не совсем удобно.

Когда после посадки он попытася проанализировать свои действия, то получалось, что руки и ноги его работали, опережая мысль. Что это было: инстинкт ли самосохранения или доведенное до автоматизма мастерство аса — сейчас не так важно. Важно, что в короткое секунды, отлучившись слух, он сделал единственно возможное в этой аварийной ситуации.

При уменьшении горизонтальной скорости вертолет обычно клонит влево. И его нужно сдерживать. Они сейчас валились вправо. И как только Хохлов снизил скорость, «ММ-6» стал выравниваться. Они были уже над аэродромом, когда на посадку заехали четырехмоторный «АН-10». Им было не разозле...

— Угоните «АН-10» на второй круг! — крикнул Иван, но радио диспетчеру. И тут же услышав в наушники голос пилота кантона:

— Да я уже сам с тебя шаркнулся в сторону, лону: расплещеся!

А Иван уже приземлился на вертолетную площадку, на прощальный птачник среди стоящих выиторных машин. В последнее мгновение увидел техника, сидящего верхом на двигателе «ММ-4», подумал:

«Прингнусь бы, что ли, ведь сиребаем брызгом по головам...» — и пошел стравив, выключив бензин.

— Еле везло не только в безвыходных ситуациях. Везло — в работе. — И первым испытывал новые вертолеты и самолеты, которые приходили к нему, и потом учил других летать на них. Он первым освоил полет на вертолете в облаках. Первым стал возить грузы на внешней подвеске. Он не трубка для стравливания нефтерозвода, а одинжды за двадцать дней не бросил через течи целую буровую во всем ее хозяйстве.

Он вымалел из машины все возможное и кое-что сверх того. Когда «ММ-6» он превисил полетный вес на 4,5 тонны, Михаил Леонтьевич Ми пригласил Хохлова к себе для доклада и в который раз предложил перейти в его КБ испытателя. Но А в который раз Иван отказался. В Тюмени бы трудно, но он привык к трудностям, а главное, к тому, что тут он был более нужен. Часто его посылали в рейсы, не догадавшись даже спросить, а в может ли такой рейс вообще. Просто считалось, что если хочешь надо — и летишь. Хохлов Иван Тихонович никогда не поддает.

Однимды на нефтерозводе в тайге случилася авария. Лететь на меду было срочно, ночью, и ночью же надо подобрать так площадку для посадки. Подобного в практике еще не было. И Хохлов полетел. И сел. И вернул благополучно в Тюмень.

А в ту же зиму ждал инспектор по полетам:

— На каком основании полетели!

— На основании долга, — ответил Иван.

Получилось как-то высказано, а из этого не любил. Но инспектору бы не до формы слова. Он проинспектировал амако ушел: случася что-то, а в амако можно быть. Облетать пришлось бы и ему, инспектору. И он в амако случай отстранил Ивана от полетов.

А вообще-то Хохлов везло и на людей. Сколько их узнал он за эти тринадцать лет! Каждый со своим характером. Каждый — личность. Но особенно запомнил одного.

Дело было зимой 1959 года. В районе Сургута окончилось несомно буровых: старые стальные тросы позноисноси, а новых нет — завез с навигателе. Тогда вспомнили о вертолетчиках. Хохлов принялась все на дог треса [1650 килограммов], расстояние и согласился доставить их Сургута. Правда, тросы были нужны в Мегоне и Импоневартоском, но там было вертолетного персонала, а в затогу из Сургута на два конца полет не хватало бы. Да и перегрузы бы приличные против норм. Так что на буровые нефтяники должны сами взять тросы на тракторы.

На то и порешили.

В крошечный деревянный домик, который в то время обозначал сургутский аэропорт и где остановивсь передотухи экипаж Хохлова, вошел самый смелый, черноволосый мужчина.

— Повезешь трос на буровую! — сказал он категорично.

«Кажо горячий человек», — подумал Иван. — Не иначе, с Кавказа.

А в ту же минуту он сказал:

— На буровую не повезем: не хватит горючего.

Черноволосый мужчина разбавуался. Он стал вертеть ручку дальнопото телефона, куда-то звонил, кому-то грозил.

«Во пришло», — подумал Иван, — только зря, товарищ, стареялся! Я командир подразделения, и никто мне приказать не может. Этот полет даже инструкция запрещает.

А мужчина все звонил.

И тогда Хохлов сказал:

— Кончай кляпиться, давай вместе подумаем, как мне вернуться с твоим буровым. Ведь горючего действителью не хватит. Из-за троса и так перегруз...

Так он познокачился с Фарманом Курбаном Салмановым, начальником геологической экспедиции, человеком, о котором уже много знал понаслышке. Там в бревенчатом домике они познокомились, там начался их многолетняя дружба. И вовсе не потому они подружались, что вертолетчики все таки забросили на буровые все шесть необходимых тросов. Просто оба не знали, что сделать у них общая большая цель: нефть.

Когда пять лет назад весной 1966 года присвоили звание Героя Социалистического Труда, Иван обозначил: зная наших! А тем же летом ему позноили товарищески об общественной газете.

— Тихонович, с тебя принятася! Тебе Герой дан!

Хохлов обрадовался... и не поверил. Герой — это герой. А он просто летал, работал, помогал искать нефть. Но товарищ расмелвался:

— Так тут и формулировка вполне соответствующая: «за выдающиеся...

Леонид ЧИКИН

Что в твоём краю дорожке,
не припомню сразу я,
Мне милей, пожалуй, все же
бубенчатая вода —
родниковая,
речная,
ручейковая вода...
Холодной воды не знаю,
чище встречу ли когда!
Шел по мягкойшей тайге я
и по рекам бурным пыл.
Я жалею,
теж жалею,

кто воды твоёй не пил.
Как бьвал он в стужу,
раз глотнул — мина душа.
Пил я воду из стакана,
пил из кружки,
из ковшика,
пил из флажонка,
только чаще
черпал пригоршней ее.
Ею, ружи леденчатой,
намолаживася над рудьем,
я пилася в лицо.
Как будто
кто-то, стоя за спиной,
привывал мне в ту минуту
сия,
чтоб ведь нать сквозь зной
на крутые перевалы.

на вершины голых гор...
Солнце взглядом обжоголо
и пекло меня в упор.
Но я знал, что где-то встречу
на пути, что так далеки,
лущь не речку —
пусть не речку —
чуть приметный родничок.
И ныльте опять хрустальной
иснежающей воды...

Север амный,
Север дальний,
мне поныне близок ты.
Вспомнина в тебе — и снова
стану и крепче и сильнее,
будто выпил родниковой
ледяной воды твоей.

успех в выполнении заданий семилетнего плана по перевозкам пассажиров воздушным транспортом, примененные зачатки в народном хозяйстве страны и основы новой авиационной техники.

Золотую звезду с серпом и молотом Хохлов носит только в особо торжественных случаях да когда едет в отпуск в родное село, что в Шацком районе, на Рязанщине. Тут его впервые потянуло в небо. Он стал мечтать о нем с того самого дня, когда злосчастно по нахамским понятиям «У-2» неожиданно приземлился на дугу у их села. Это было еще до войны. И Ваня бежал смотреть на молодого курсанта из Сасовского авиационного училища и на его «настоящий» самолет, отказывая во время тренировочного полета.

Потом была война. Отец строил на Урале танки. Мать — несла на себе все хозяйство крестьянского дома. Мечта о небе, наверное, так и осталась бы мечтой, если бы счастливый случай не помог уже после войны перевестись Ивану из сельхозаэтивного техникума в авиационное училище.

Том, он навегда породнился с небом.

Может, еще и поэтому родина так тянет его и себе.

Слух о том, что и Тихону Хохлову приехал на побывку сын, быстро распространяется по селу. И тогда уж в их избу не закрадется дьявол. Бабы могут поздравить мать с дорогим гостем. А мужики (шальные мужики, как известно, народ обстоятельный и по пустякам время тратить не станут), те идут к знающему земляку потолоковать о большой мировой политике и о том, не будет ли войны. Они не погугушаются стовочной в честь приезда, а потом глубокомысленно задают самороздумания да столбички «беломорские».

Иван и сам пообит посидеть с этими доморощенными талейданами. Но вот беда — их волнуют только вопросы глобальные, и стоит ему заговорить о том, чему отдад на Север столько лет тяжелого и опасного труда, они окорачивают:

— Кто нам Тимоти! Морозы и у нас не хуже ваших. А что до болота, так Меандря отродясь славился на весь свет своим хлябьями!

Он им про нефть да про газ. А они, вежливо выслушав, соглашаются: — В России, знамо дело, куда в землю ни сунься — акурат какое-нибудь полезное ископаемое. Страна такая...

Иван больше и не перечит: в глобальном масштабе, так в глобальном. Да, собственно, как иначе им о той Сибири говорить! Вот о своей землице, о семоных да выдах на урочьях — это они мастера. Понятно: тут их пот. А его — там.

Рассказать бы им, как впервые увидел эту сенсационную тюменскую нефть. На всю жизнь запомнил. Сколько лет буржуйским таранам эту землицу — ни в диковину все беда и была вода. И вот тогда, 1960 года сообщение: в Шапке в бригаде Семена Урусова на скважине № 6 пошла нефть.

Хохлов прилетел на буровую на следующий день: привез специалистов-нефтяников. И пока те занимались своими делами, буровики потапливали ему своим сорочковиком. Нефть была темная и вязкая. Иван начался ею ладить, раскост, в котом долго не мог отмыть руки: такая она была вязкая, эта первая тюменская нефть.

А вскоре нефть пошла и у Салманова на средней Оби. И вспоминал Иван стальные тросы, которые с такими богами привез тогда на буровые. Сгодились-таки.

Нет, землячок, его нефть да газ стоят того, чтоб и их поговорить в глобальном масштабе. И ему ли не знать о том! Вот ведь велика Тюменская область — Франция, Италия, Испания, Австрия, вместе взятые, могут на ней разместиться, — а он ее всю ископал так, что может быть карты пролететь в любой населенный пункт. А сколько по тайге да марши разбросано знамя, распор, в котом долго не мог отмыть руки: такая она была вязкая, эта первая тюменская нефть.

...Сейчас у Ивана Тихоновича Хохлова важный пост: он заместитель начальника Тюменского управления гражданской авиации. Работы хватает и на землице: мич в кресле командира корабля.

Первые седые волосы появились у него в двадцать пять. А теперь серебро так припущило голову, что пришлось обратиться к испытанному средству всех детей — косметике. Хинина — желтого цвета! — любую седую шевелюру в два дня, чтоб приподняться. Просто знает условный рефлекс врачей: и кардиограммам седокожных летчиков они особенно придирчивы.

А в руках врачей разрешение на полеты.

А ему хочется летать. Так зачем же лишней раз волновать врачей!

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 18 (1040)
СЕНТЯБРЬ
1970

Наша обложка: Ленинград
«Аврора» на вечной стоянке.

Фото Мирослава МУРАЗОВА

Фотоочерк «Ленинград» — на страницах 12—17.

4 ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗ КОРАБЕ-
ЛОВ. Рабочая династия
сорочмичев.

8 ПОРТРЕТ ЛАУРЕАТА ПРЕ-
МИИ ЛЕНИНСКОГО КОМ-
СОМОЛА БАЛЕРИНЫ
МАЛИКИ САБИРОВОИ.

20 ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНЬЫ».
Очерк о художнике К. Н.
РЕДЬКО.

30 КОМСОМОЛ, РОЖДЕН-
НЫЙ В ЧИКАГО.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**МОЛОДЕЖЬ ОТМЕЧАЕТ 50-ЛЕТИЕ РЕЧИ
В. И. ЛЕНИНА НА III СЪЕЗДЕ КОМСОМОЛА**

**РЕПОРТАЖ О СЛЕТЕ УЧАСТНИКОВ
ВСЕОБЩЕГО ПОХОДА МОЛОДЕЖИ
ПО МЕСТАМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ, БОЕВОЙ
И ТРУДОВОЙ СЛАВЫ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ И СОВЕТСКОГО НАРОДА**

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАККОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Зашошин, Р. Ф. Казаков, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лихов, [заместитель главного редактора], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. В. Стуков [главный художник]

Художник Г. С. Терзибашьянц

Технический редактор Н. И. Будкина

РОМАНТИКА

Тут немного сказать,
это верно будет...

Вставать при первых проблесках зари,
порой злодоню,
и заплывать ризаные сузари
водой болотной,
шагать в твешный пасмурный рассвет
по хлябям ривалов,
где тверди прочной под ногою нет
и скользким травам,
костры пальцы и вычлочь лошадей,
и в стужу-воду
при морозичьем ледяном дожде
входить на бродях,
и ждать привала, и с тоскою ждать
конца маршрута —
романтика...

А если мы не шли и не брели,
а причлеть!
Ногой коснулись северной земли
уже у цели!
Коль версты нам преодолены
на вертолете!
Но он же нас — не к теце на блины,
не в гости к тете!
Он увелит.
А завтра, чуть рассвет,
шагать тайгой нам...

Так здравствуй же, романтика!
Привет от беспечной!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗ КОРАБЕЛОВ

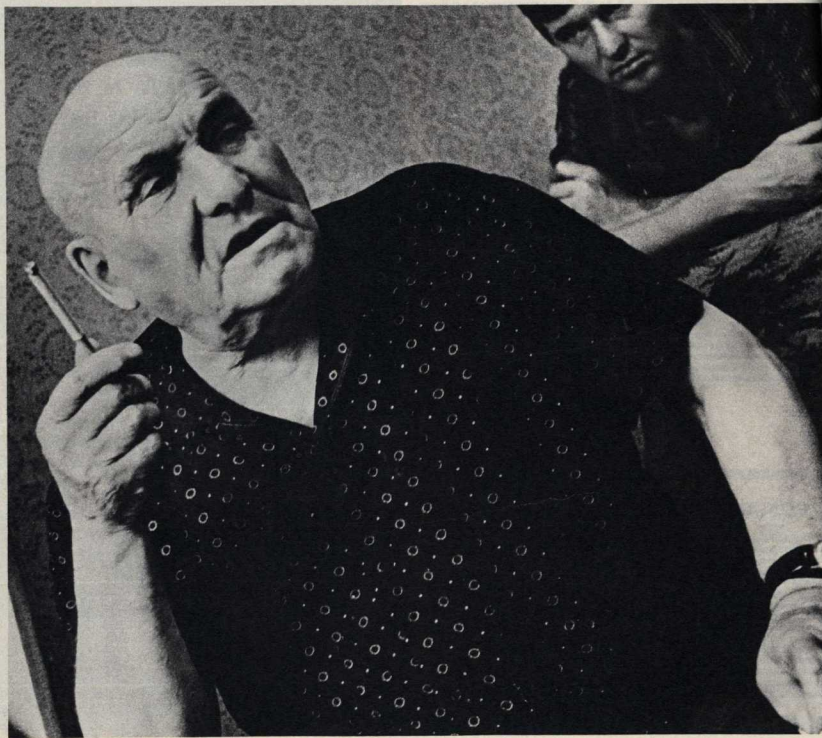
Анатолий ФРАНКОВСКИЙ,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

Красное Соромово. Здесь создали первый речной двухвалубный, дизель-электроход, первый катер, первые суда на подводных крыльях. Корабль за кораблем покидают «Ленин», «Октябрьская революция», «Советский Союз»... Плещет волна о стальные бока исполинским пламенем горят слова на металле: «Запово».

По дощатым настилам, по массивным крыльям судомонтажники спуют взад-вперед, словно ткацкий нок, не торопясь, в каком-то отлаженном ритме. Они завершают работы на волне сугороле. Соромовичи — прославленные работники. Здесь выросли целые династии — Носовых, Красильниковых, Кукушкиных, Плещинских, Годяевых, Третьяковых, Курциных...

Владимир Курцин помнил долгие зимние вечера — кем с замкнутым сердцем слушал рассказы отца о днях давно минувших. Он хорошо ставил себе того, кто первым из рода Курциных сменил соху на молот. Давно это было. Но он не верится, что когда-то не существовало Соромово, ни завода. Были лишь владения помещицы Соромы. А его прадед, Левонтий Иванов числился крепостным. То он занимался на огородах, отвоенивших у лесов запово хлебощавам, то уходил на Волгу в бурлаки.

Но вот однажды прошел слух, что богатые

дки собирается строить в синих местах верфи. Врубка приписали к заводу, выучили на токаря, а почти сорок лет Левонтий Иванович обтачивал детали вначале к самоходным баржам, а потом и к пассажирским судам, пока не приключилась с ним беда. Поздно вечером принесли в избу на одеяле оживленное тело. Заголосили женщины заревели дети: «Деда убило...»

«Пята ушла, ногу ободрала, он и истек кровью,— припоминает Владимир слова отца.— Кабы сегодняшние врачи... Эх, время было...» Но вот и другой голос, голос учительницы — предостерегающий, осуждающий: «Погоните спину у станка, тогда узанете, почему фунт лиха, ату и ну, нашли чем пугать,— кляпится Волода.— Поминаете, а мне вот нисколько не страшно. Мой дед, Гаврила Левонтьич, полвека слесарил на Сормово, туда же определяли своих четырех сыновей. А теперь вон и отец по станку дотонет деда. И ничего — работают люди. Выдую и я. Но он не сказал этих слов. Подумать подумаю, а сказать не решился. Все-таки учительница, а его с детства привыкли уважать старших.»

То было время почти поголовной ориентации школьников на вуз и техникум. Люди только что пережили трудные военные годы, и многим казалось, что очень скоро на производстве останутся одни лишь автоматические линии. Сиди себе в белом халате инженер или техник и нажимай кнопки. А между тем на заводах не хватало обыкновенных станков, умелых рабочих рук.

Владимир с шумом забежал в дом, бросил

небрежно книжки на стол и шагнул к отцу.

— Хочу, батя, на завод поступать.

— Ты это серьезно, обдумал?

Николай Гаврилович взглянул на сына. Худощ, словно тростинчика. Ростом с него вымахал. В голосе — твердость. А может, мальчишеское упрямство? Припомнил свое детство, припомнил, как однажды, осмотрев его лохмотья, отец вздохнул и сказал: «Вот что, сынок, тяжело мне одному. Невелика семья, а кормить нечем. Пойдем-ка на завод. Все приработок будет». Определили тогда его, шестнадцатилетнего парня, рассыльного в кузницу. Разносил мастерам чай, разбирал рабоче номера, и лишь годя через полтора поставили клеймовщиком деталей — на операцию тяжелую и горячую.

— ...Пойду в вечернюю школу, а то и в техникум! — слышит Николай Гаврилович голос сына.

— Ой, и тяжело тебе будет, Волода.

— А тебе было легче? — Серые глаза глядели испытующе.

Так Владимир проторил дорогу на «Красное Сормово» четвертому поколению Курциных. Через два года за ним последовал брат Виктор, а прошлым летом после десятилетия устроился на завод и сестра Зоя.

Порой ему завидовали. Одни — потому что у него известия на заводе род, другие направляли свою мысль в привычное русло узкого практицизма. Хорошо, мол, Володье, в случае чего отец не даст в обиду. Но Волода знал, что быть сыном заслуженного сормовича — это не только

почет и уважение, но и постоянное чувство ответственности.

Как-то он нечаянно стал свидетелем такого разговора.

— Кто это? — кинул головой в его сторону пожилой рабочий.

— Курцины, сын Николая Гавриловича, — последовал ответ.

— Сын говоришь? — И он с интересом поглядывал на Владимира. — Стоящий мужик твой отец, честный, справедливый...

Молодежь любит независимость. И, в общем, это нетрудно понять. Она хочет самоутвердиться в жизни, лично убедиться, на что способна. Так что никакие протекты. «Если стою что-нибудь», — высказал однажды свое кредо отцу Владимир, — люди обязательно заметят. Ну, а если нет, тогда и авторитет всех моих предков не поможет». Владимир попал в ЦЗЛ, вначале, как положено, поработал учеником, а затем стал контролером. Все шло хорошо, только мечтал он о гавани. Однажды робко постучался в дверь начальника, но... Ему устроили заказ, засыпали вопросы по морскому делу, и он понял: не хватает знаний. Поступил в машиностроительный техникум, стал штудировать книги по устройству судов. Когда ему сказали: «Перебирайся на берег», — он несказанно обрадовался. Курцины-четвертый почувствовал в себе специалиста.

Николай Гаврилович и Владимир Курцины.

На плаву работали в основном монтажники, люди с большим опытом. Каждый из них был волюю или неволю и пристрастным контролером, поскольку получал из других цехов под монтаж узлы и детали, и искусный мастерский. И вот стал принимать их работу вышедший студент-венежник, почти в два раза их моложе.

Кое-кто попытался этим воспользоваться. Молодой, мол, неопытный, авось, проглядит. На худой конец удастся уговорить парня. Но не тут-то было. Крепкий попался орешек. Постоянно о нем сложилось мнение: да же знает, строг, принципиален, не допустит никаки поглажки. Но зато уж если примет узел или агрегат, то можно быть уверенным, что ни инспектор регистра СССР, ни заказчик дефектов не обнаружат.

Его трудно заставить в отделе. Он предпочитает быть на корабле, там он следит за монтажными работами, заранее предупреждает о замеченных дефектах. В одном месте трубы неправильно соединены, в другом кранен не тот поставлен, в третьем крепление бочков стоянчиков генераторов нигуда не годится. Ему объясняют, что это viene поставщиков, он вежливо с ними соглашается.

— Правильно. Но заказчик-то прежде всего спросит с нас, сорванцев. Так что давайте лучше время зря не будем терять, а сделаем так... И он рисует чертёж.

Монтажники тут же принимают за дело. Но однажды случилась у него неприятность. Все началось, как говорит, с добрых побуждений. Чтобы не сорвать графики, Владимир решил провести ряд контрольных проверок в процессе испытания режимов двигателей. Это, кстати, предусматривалось инструкцией. Зато в чертёжге — ни слова. Хорошо, если это — упущение, а если... Рискнул! Впрочем, нет, рискуют они не имеют права. А рядом чей-то шепот:

— Вот попомнимми мое слово — побойтесь. Хотя его понять можно: ведь с них прежде всего что спрашивают — буреку инструкций. А на план, на дело им надевать.

— Ну-ну, ты уж загнул, Петрович, — возразил хриловатый голос. «Ага, значит, бумажеды ам, еще кто — канцелярщины, может! Хор-р-рошая характеристика. Прямо тут в ореховую рамку и на стену, — иронизировала про себя Владимир. — Однако время бежит, что делать? Осматривать двигатели! Это проще простого. Но тогда время будет потеряно, график сорван». Чем дальше он думал, тем больше утверждался в мысли, что его самовольство, — а самовольство ли! — не отразится ни на точности контрольных замеров, ни на качестве всего агрегата. И он решился.

А назавтра в чем только его не обвинили: и в нарушении технических норм, и в превышении своих полномочий, и в недобросовестности. Нет, последнее слово как будто не прозвучало. А вот выговор влекли.

Он пришел тогда домой вконец расстроенный. Мама взяла элюдики, вывел во двор велосипед

и укатил в луга. Когда выясился свободный день, вот как сегодня, на душе было мутно, но он всегда уезжал за город, а сторону Большого Козино. Он любил уединение. В лугах, вдаль от городского шума, легче думать, да и кисть, как ему казалось, была послушнее. Он рисовал закаты альпенеба, серебро венежной волны, пустынный берег Волги. Но сегодня кисть не слушалась. Отложил ее в сторону, задумался. Пустынный берег, бурьян, пруд...

Рассказывали, его прудов был отменным токкарем, дед — специалистом по установке паровозных дышла, а отец подружился с молотом и наковальней. Затем революция, пертинная работа, Промышленная академия, снова паровоз, а потом... Дальше он все сам помнит. Как забегал на часдров в дом отца с воспаленными глазами, осужнувшийся, в стерж, спотыканный валежник, переувлажненный провалом. Как звучал голос Леванта на Советского Информбюро...

Как-то попался ему в старой шкатулке пожелтевший клочок бумаги. С трудом он прочитал: «В связи с командировкой в уезд просим выдать Н. Г. Курцину револьвер системы «Наган». Он долго рассматривал эту отцовскую реликвию. Время пришло ей особый, значительный смысл. Отец много рассказывал сыновьям о прошлом. А вот об этом случае — ни разу. Только теперь дошло до Владимира, что отец уезжал в самую обыкновенную для него командировку, из которой мог бы никогда не вернуться. Вот она как-ка — старая гвардия большевиков. На все ее авател. Ему захотелось увидеть отца, услышать его голос.

Владимир возвращался в город поздно. Теперь он другим глазами смотрел и на свою неприятность по работе. В конце концов выговор еще ничего не значит. Специалисты разберутся, прав ли он. Главное, в будущем не допускать в подобных ситуациях, не превращаться в таб инструкций, бумажеды, как выразился тот рабочий. Не отступать от принципов. Всегда в вынужденные должны быть качества, законка маржа сорванцев. Вот твою основную линию поведения, мастер.

Владимир Курцины — четвертый в поколении сормовской рабочей династии. В 1905 году его дед участвовал в баррикадных боях, в 1917-м отец брал губернаторский дом в крепости, арсенал, типографию и телефонную станцию. А он! Строит корабли. Для людей, для страны. Это они, во всяком случае, такие, как он, создавали первые крылатые суда и готовят сегодня в путь новые корабли. Это он вместе со всеми сормовичами дал твердое слово партии выполнить годовую программу по сукузуграм к празднику Великого Октябрга.

«Красное Соромво». Заводская гавань. Звучит пронзальный гулдок. «Петр Заломов» берет курс на Ленинград.

Дорога на завод.

Закон и Тыта

Размышления
об одном
уголовном деле

...в некоторые время назва в одной школе Паровозного района. Моего прозвали так, что принято называть «ЧП». Утром в актовом зале слышал, а потом и их воспитатели обнаружили окурки, табачный дым, коромысло и неизъяснимое слово поперек борта свежего киноапрона.

Но «ЧП» замгла. Оценки происшедшему была дана такая: «ЧП» — это нарушение дисциплины, скандал, начатый серьезный разговор в помещении и комсомольской организации — никто скажушечием повода для этого не обнаружил. Вспоминаем, что, когда в школу, где мы учимся, так натолкнуто по скудрому киноапрону папку, привоили кинопередвижку и учитель физики развешивал на стене простыню экран, восторгу нашему не было предела. Он час толк в каждой школе свой киноапрон и стационарный экран в актовом зале, собственноручно радиоузел. Да, мы стали богаче. Но радио, которая достается так просто, так естественно, так общедоступно, — не терпит ли она свою тишину, если нежить ее учат? Ну, испорчен диск экран. Ну и что? — рассуждали в школе. Загря захво установи новый, а ругательство не волнует: поучащиеся, многие хорошие стали вности, употребляли плохие слова...

Зато когда в школе, где учился дод один из нас, первоклассники заставили помить на печатные или парты, некоторые родители в другой день подняли скандал: как можно устанавливать маленьких детей работять? Что, ученики не хватат? Так они сами готови мопит парты да и оква заодно, а то еще не дай бы это заставит сделать учеников...

Но вернемся к той школе, где произошла «ЧП». Поскольку оно такюким не считалось, вскоре таинственные «аюорники» вновь вышли на «бюевую трону», то бишь в актовом зале.

— Потрясли в кошке. Для этого оторвали дверную ручку и использовали ее вместо палки — не ходит же за настольной к физурку.

— Разломал стулья. Частично для использования в качестве клячек, а частично для других целей. О них дальше.

- Обломком стульев порвали висевшие на стенах портреты знаменитых деятелей культуры.
- Покоской стула развали выключатель.
- Каждый оторвал по клавише от рояля.
- Препали огню вышнзаванные портреты.

С применением технической смекалки: привалял к роялю веревка и подожгал их.

- Устроили циркур.
- И ушли...

Здесь мы немного, лишь в той мере, чтобы не нарушить законы детективного жанра, в котором, увы, типична эта история, провалились маски, скрывающие лица наших комрачей: у них в это время был УРОК ТРУДА!

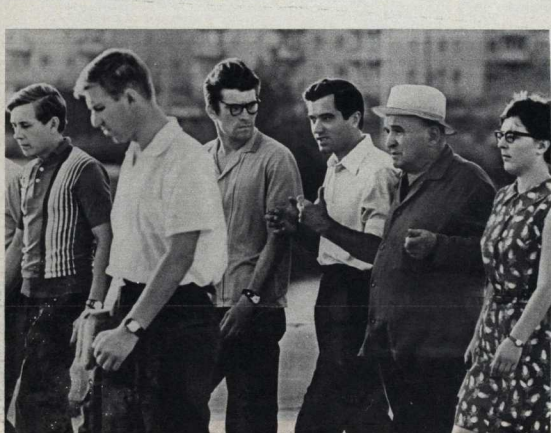
Справедливо будет заметить, что они «трудящиеся» факультативно, открыте от своего класса. Ушли, не отприваляя их.

Что же школа? Педагога, общественности? А ничего. Правда, хулиганов не допустили к занятиям за то, что... они выйдут из школы в отпуски. Но то под, пока они его не вставит, было решено на уроки их не допускать. Провинившиеся очень испугались и пошли в актовом зал, где они обычно учились занятиями...

С рояля сорвали чехол. Разорвали в клочья и клочьями укресли люстры. Потом, взгромоздившись на рояль, — как говорится, из протокола слова не выгнать, — вагдали на него. Потушили. И ушли.

Этого надругательства не выдержала даже метеорологическая, метеосредствичная школа. Обратились в милицию, и работники Уголовного розыска в тот же день не только установили виновников, но и не постеснялись дать происшедшему истинную оценку.

Так в школе впервые прозвучали слова: «реступление», «указание», «суд» и «оштрафован». И в школе на самые погудимых

Маргарита АНОХИНА, Александр НАГРАЛЯН (фото)

ВЫСОКАЯ ПРАВОДА

но и осознанно совершаемые столь державе антиобщественные действия, остро нуждаются в специальном режиме воспитания. Режим, способный остановить ребят в самом начале далеко ушедшего пути.

Режим коллег при вселенном контроле и влиянии со стороны опытных воспитателей признан и может исправить огрехи семьи и школы. А сам правонарушитель? Что ж, сам он в этих условиях имеет полную возможность понять и осознать простую истину: антиобщества, в котором ты живешь, надо свято соблюдать. Нельзя оскорблять общество безнаказанно. В противном случае придется дорого расплачиваться, причем расплачиваться придется самому.

И нам кажется, что Слава Соловьев и Сапа Селехов поймут эту истину, а когда войдут, то ничего, кроме смеха, у них не вызовет позиция, занятая на суде их адвокатами. В судебном заседании защитница задала Соловьеву вопрос, в какой мере «педагогичен»:

— Скажите, Соловьев, все ли делала школа для вашего воспитания?

— «Несмышленные» педагоги boldly заявляют: — Нет, не все! Я прогуливал, потому что классныйрукотворил белез, ОСТАЛСЯ БЕЗ ВНИМАНИЯ! Я прогуливал, а дома не знал, потому что школа не сообщала...»

Отсюда адвокат срочно сделал вывод: «Во многом виновата школа, поэтому суд должен освободить ребят от наказания».

Защитник Селехова поставил перед судом более скромную задачу. «...Сматывая воедино обстоятельством,— заявил он,— является плохая воспитательная работа в школе, в частности неучастие Соловьева и Селехова к занятиям...» Почему плохая воспитательная работа школы должна сматывать персональную ответственность хулигана? Непонятно... Но хочется надеяться, что адвокат случайно, неумышленно спутал не слишком похожие понятия «объясняется» и «смагачает».

Педагоги и ученые, судьи и работники милиции, родители и общественники — все в один голос утверждают: «Грубный» подросток, находящийся в неблагоприятной обстановке, даже ставший одной ногой на скользком пути правонарушений, вовсе не обречен перейти роковую грань преступлений. Из тысяч таких ребят лишь единицы оказываются на скамье подсудимых, остальные — с помощью взрослых, в главном образом самими — преодолели негативные факторы и становятся людьми. И это ниши раз подтверждает, что сколько бы ни было и ричи, отрицательное повлиявших на несовершеннолетнего преступника, мера его личной ответственности от них не зависит: эти причины лишь объясняют его вину, но не снимают его ответственности.

Мы бы не стали так подробно касаться этих выступлений адвокатов, если бы они не отражали порочную тенденцию, свойственную многим, тенденцию освободить подростка от личной ответственности, сложив ее на кого угодно — на семью, школу, милицию.

Теперь, проанализировав вместе с вами это достаточно яркое, но совершенно типичное уголовное дело, мы не только вправе, но и обязаны сделать следующие основные выводы:

Преступление подростка, подлежащему большинству случаев есть результат неправильного воспитания, усугубленного безразличием, а иногда и недобросовестностью ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ, которым в силу их общественного или судебного положения надлежит заниматься с детьми правовым воспитанием. Как только мы социальным воспитанием детей. Как только мы видели, эти отдельные родители, отдельные воспитатели, отдельные учителя, отдельные общественники, отдельные работники административных органов. Это являясь, что процесс прерывания подростка в преступлении вполне доступен изучению, контролю и регулированию, и только от добросовестности и инициативы ВСЕХ ВЗРОСЛЫХ, окружающих детей, зависит их правильное человеческое воспитание, а в отношении отступивших — своевременное и окончательное исправление. Не станет Соловьевы и Селеховы, если КАЖДЫЙ ВЗРОСЛЫЙ, оказавшийся рядом с заблудшим ребенком, будет ощущать свою ОТВЕТСТВЕННОСТЬ перед детьми и перед всем обществом за то, что в жизни подростка в жизнь. Это важнейшая наша гражданская обязанность, и она всем нам по силам.

ДОВО ЕМКАМ по-таджикски означает «принцесса». Что ж, в этом по-восточному богатом красками и оттенками языке, кажется, невозможно было найти более подходящее имени для будущей балерины. Ведь прошлым годом, и Малика Сабирова действительно стала настоящей и поановой пришедшей спонси.

Отец Малики — один из лучших умельцев Таджикистана: он изобретает народные музыкальные инструменты. Так получаются, с ее сыгранного детства Малика росла, всуשרанного в родине мелодии, легко улавливая их ритмы, выразительность их музыкального языка.

И сейчас Малика любит народное искусство: в особой пластике ее руки, во всем сценическом рисунке ее танца словно отражены особые изощренность и грациозность, присутствие только восточным национальным танцам.

Проваленное Ленинградское хореографическое училище присвоило к прожегшему дарованием своей ученицы, выросшей в Душанбе, профессионалам, академичности, всю свою технику и культуру танца. И это, вместе взятое, заложило основы для рождения настоящей, серьезной и своеобразной артистки. Но «школом только подготавливают артиста для сцены, а артистер делают его талант, изысканный вкус, практика», — писала А. Н. Островский. Если отнестись эти слова к альянейшей судьбе выпускницы Ленинградского хореографического училища, то ясно проступают ее лучше всего мугу цифры и факты.

1961 год. Ленинград. Выпущенной спектакль «Целкунчик». В нем выступала и Малика. Затем упорная, трудная работа на родине — в Театре оперы и балета имени Яни. Зрелье, пляшка и оттачивая свое мастерство, она одалу за другой исполняет главные партии в балетах «Жизель», «Дон Кихот», «Тролею грома», «Шопениана», «Адрикс и Холмс».

1964 год. Болгария. Международный конкурс артистов балета в Варне. Серебряная награда.

1969 год. Первый Московский международный конкурс артистов балета. Золото.

1970 год. Премия имени Ленинского комсомола.

Но теперь хочется немного раскрыть детали, рассказать подробнее о победах Малики Сабировой на сцене.

Скоро московский конкурс. Репетиционный зал Большого театра. Но Малика плачет. Оказываясь, по очень уважительной причине не смог принять участие в конкурсе ее партнер Вилет Галстян, в выиграве исполнения которого она принялась. С каждым часто выступал, актер яркий, выразительный, самобытный. Да влюбив что-то не влюбился в самого танца. «Все было в порядке, Малика, повторим еще раз», — успокаивает ее руководитель на конкурсе Галина Сергеевна Уланова. Именно она вовремя подбодрила Сабирову, вселенная в нее уверенность.

Жеребьевка конкурса. Малика совершила, выразила изумление спонсменов, в личном зачете, как говорятся артистов, выступает соло. Ее номер 91-й. «Ничего», — решает Малика. Дому не смогла аплодировать. Да все остальные уже исполняют свои партии. Только бы не перемановаться. Надо взять себя в руки».

1 тур. Па-де-из балета «Дон Кихот». Дому не смогла аплодировать. Мыты после прокрасовы исполнения Маликой Сабировой и Геннадием Адахом этого номера. Точность движения, плавность, обаятельность балерины хорошо сочетались с мужественностью, техничностью танцором его партнера. Вызванные в частые, они после выступления несколько раз выходили на сцену. Да же на непроходимых, казалось бы, лицах малюв жюлье, улыбка, почетное жюри готово было аплодировать, если бы не строгие условия конкурса.

2 тур. Па-де-из балета «Паме Парижа». И снова большой успех. Та до конца конкурса никому не отдали Сабирова первенства.

«Звезда жюри должно объявить результат. Оно совершенно очевидно».

Малика вспоминает, что тогда она почти не сомневалась в победе, но все равно возмывалась, и не стала всю ночь. Утром, когда Малика сообщила, что она победительница конкурса, актриса заплакала от счастья.

«Большая часть успеха», — сказала после конкурса Малика Сабирова, — я обязана Галине Сергеевне Улановой, которая репетировала со мной в те дни и помогла отработать фрагменты из «Дон Кихота», «Памети Парижа», «Корсара».

Галина Сабирова получила на конкурсе золотую медаль, диплом I степени и звание лауреата а Геннадие Адахе — диплом партнера.

Мастерству молодой советской балерины после артистки таджикской ССР Малики Сабировой потом аплодировали в Болгарии, Англии, Италии, Канаде, Японии, Бирме, США... Ее искусство всегда подкупает своеобразием чувства, эмоциональностью исполнения, искренностью и той неповторимой, восточной пластикой, которая стала как бы второй натурой, а вернее, первой натурой прославившейся танщи во всем мире балерины из Таджикистана.

Сомнит балета Большого театра Болит Хохлов, который выступал а Маликой Сабировой в Москве, Душанбе, Болонье, за границей в балетах «Дон Кихот», «Шопениана» и других, как то сказал мне о ней: «Мы познакомились с Маликой Сабировой во время гастролей в Лондоне. Она — прекрасная обладательница хороших профессиональной школы. Танцевать с ней легко, удобно, приятно. Зрители, как у нас в стране, так и за рубежом, всегда встречают Малику. На репетициях она серьезна и трудолюбива, а в театре во время выступления это маленькая хозяйка сцены».

Лето для аэропорта Петля выбирал очень долго. Вначале он решил, что самолет может сесть прямо на улице возле сельсовета. Но потом передумал. Ведь самолет мог зацепиться крылом за дерево или за хату.

Не понравился Петля и пустырь около колхозной клумбы. Там валяется много всякого мусора: старые кастрюли, склянки. К самолету близко не подойдешь — можно порезать ногу.

Тогда Петля пробрался огородами на луг. Места здесь сколько хочешь. И ничто не мешает.

Петля отмерил шагами пять раз по двенадцати в ширину и десять раз по двенадцати в длину. Он отмерил бы и больше, но умел считать только до двенадцати.

После этого Петля собрал и вынес с аэродрома палки, поворачивая кое-где траву, позатаптывая коровьи следы. По углам аэродрома он воткнул четыре палочки, чтоб самолет было видно, куда садиться.

Оставалось только засыпать песком небольшую яму да прогнать ворону, которая всякий хотел бы сесть на луг и могла помешать самолету.

Яму Петля засыпал быстро. Он наносил от речки картусом песка, утрамбовал его ногами, прикрыв сверху травой. Правда, были еще и другие ямы, но Петля решил, что они маленькие и самолету ничего не сделают.

В ворону Петля запустил камень, который нашел на берегу. Но не попал.

Ворона поднялась, покурила немного над речку и снова села на аэродром.

Петля разозлился, схватил палку, закричал, заулюлюкал и побежал за ворониной следом. На это раз она испугалась и улетела совсем.

Теперь все было готово. Петля сел под кустом лозы и стал ждать.

Самолетом должен прилететь Петкин отец. Маруся рассказывала, что на фронте он был летчиком. Петля верит, что отец жив. Его ведь не убили. Он все равно пропал без вести. А значит, может вернуться...

Сегодня отец должен прилететь обязательно. Вчера Петке об этом сказала Маруся. Она разбудила его очень рано:

— Вставай. Подем.

Петля вставать не хотелось. Он начал уже было плакать, но вдруг вспомнил, как плакал вечером, когда просил Марусю взять его с собой по колоску, и слеза с полна.

Маруся нашла ему полную кружку молока, дала кусок хлеба и сказала: — Молока пей побольше, а хлеба кусай поменьше.

Петля сам это знал, но все равно ему хотелось куснуть сразу полуску, иначе ведь не наешься. Петля спрятался от Маруси за пенкой. Вначале съел хлеб, потом, почти отравившись от кружки, выпил молоко. Маруся отыскала его слишком поздно. Она лишь покчала головой:

— Сразу видно, что растет без матери. Неслух.

Матери Петля не знает совсем. Маруся рассказывала, что ее убил, когда фронт уже шел назад. Она с Марусей и Петлей перебежала из хаты в хату. Пуля попала матери прямо в голову. Маруся обомлела щекой. А Петля совсем ничего. Он лишь сильно ударился, когда мать падала на землю.

Дед Иван в это время прятался с коровой в березнике. Когда он вернулся, Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Маруся и Петля сидели возле матери и плакали. Их утешала женщи-

на Я сама.

Петля после часто просил у Маруси сахара, но она сердилась:

— Не выдумывай.

Теперь Петля сахара не просит. Он уже большой и все понимает.

Маруся тоже боится. Она сама топил печь, стирала Петку и деду Ивану рубашки, носила на базар молоко и даже стригла Петку здоровенными черными ножницами.

Теперь Маруся читает Петке книжки. Там написано, что раньше голода не было. Только Петля не верит. Так ведь много все сразу съели, а на завтра ничего не останется. Еда в книжке написано про Дед Победу и про явот.

Петля после часто просил у Маруси сахара, но она сердилась: — Не выдумывай.

Теперь Петля сахара не просит. Он уже большой и все понимает. Маруся тоже боится. Она сама топил печь, стирала Петку и деду Ивану рубашки, носила на базар молоко и даже стригла Петку здоровенными черными ножницами.

Теперь Маруся читает Петке книжки. Там написано, что раньше голода не было. Только Петля не верит. Так ведь много все сразу съели, а на завтра ничего не останется. Еда в книжке написано про Дед Победу и про явот.

Петля после часто просил у Маруси сахара, но она сердилась: — Не выдумывай.

Теперь Петля сахара не просит. Он уже большой и все понимает. Маруся тоже боится. Она сама топил печь, стирала Петку и деду Ивану рубашки, носила на базар молоко и даже стригла Петку здоровенными черными ножницами.

Теперь Маруся читает Петке книжки. Там написано, что раньше голода не было. Только Петля не верит. Так ведь много все сразу съели, а на завтра ничего не останется. Еда в книжке написано про Дед Победу и про явот.

Петля после часто просил у Маруси сахара, но она сердилась: — Не выдумывай.

Теперь Петля сахара не просит. Он уже большой и все понимает. Маруся тоже боится. Она сама топил печь, стирала Петку и деду Ивану рубашки, носила на базар молоко и даже стригла Петку здоровенными черными ножницами.

Теперь Маруся читает Петке книжки. Там написано, что раньше голода не было. Только Петля не верит. Так ведь много все сразу съели, а на завтра ничего не останется. Еда в книжке написано про Дед Победу и про явот.

Петля после часто просил у Маруси сахара, но она сердилась: — Не выдумывай.

Теперь Петля сахара не просит. Он уже большой и все понимает. Маруся тоже боится. Она сама топил печь, стирала Петку и деду Ивану рубашки, носила на базар молоко и даже стригла Петку здоровенными черными ножницами.

Теперь Маруся читает Петке книжки. Там написано, что раньше голода не было. Только Петля не верит. Так ведь много все сразу съели, а на завтра ничего не останется. Еда в книжке написано про Дед Победу и про явот.

Петля после часто просил у Маруси сахара, но она сердилась: — Не выдумывай.

Теперь Петля сахара не просит. Он уже большой и все понимает. Маруся тоже боится. Она сама топил печь, стирала Петку и деду Ивану рубашки, носила на базар молоко и даже стригла Петку здоровенными черными ножницами.

Теперь Маруся читает Петке книжки. Там написано, что раньше голода не было. Только Петля не верит. Так ведь много все сразу съели, а на завтра ничего не останется. Еда в книжке написано про Дед Победу и про явот.

Петля после часто просил у Маруси сахара, но она сердилась: — Не выдумывай.

Теперь Петля сахара не просит. Он уже большой и все понимает. Маруся тоже боится. Она сама топил печь, стирала Петку и деду Ивану рубашки, носила на базар молоко и даже стригла Петку здоровенными черными ножницами.

Теперь Маруся читает Петке книжки. Там написано, что раньше голода не было. Только Петля не верит. Так ведь много все сразу съели, а на завтра ничего не останется. Еда в книжке написано про Дед Победу и про явот.

Петля после часто просил у Маруси сахара, но она сердилась: — Не выдумывай.

Теперь Петля сахара не просит. Он уже большой и все понимает. Маруся тоже боится. Она сама топил печь, стирала Петку и деду Ивану рубашки, носила на базар молоко и даже стригла Петку здоровенными черными ножницами.

Теперь Маруся читает Петке книжки. Там написано, что раньше голода не было. Только Петля не верит. Так ведь много все сразу съели, а на завтра ничего не останется. Еда в книжке написано про Дед Победу и про явот.

Петля после часто просил у Маруси сахара, но она сердилась: — Не выдумывай.

Теперь Петля сахара не просит. Он уже большой и все понимает. Маруся тоже боится. Она сама топил печь, стирала Петку и деду Ивану рубашки, носила на базар молоко и даже стригла Петку здоровенными черными ножницами.

Теперь Маруся читает Петке книжки. Там написано, что раньше голода не было. Только Петля не верит. Так ведь много все сразу съели, а на завтра ничего не останется. Еда в книжке написано про Дед Победу и про явот.

Петля после часто просил у Маруси сахара, но она сердилась: — Не выдумывай.

Теперь Петля сахара не просит. Он уже большой и все понимает. Маруся тоже боится. Она сама топил печь, стирала Петку и деду Ивану рубашки, носила на базар молоко и даже стригла Петку здоровенными черными ножницами.

Теперь Маруся читает Петке книжки. Там написано, что раньше голода не было. Только Петля не верит. Так ведь много все сразу съели, а на завтра ничего не останется. Еда в книжке написано про Дед Победу и про явот.

Петля после часто просил у Маруси сахара, но она сердилась: — Не выдумывай.

Теперь Петля сахара не просит. Он уже большой и все понимает. Маруся тоже боится. Она сама топил печь, стирала Петку и деду Ивану рубашки, носила на базар молоко и даже стригла Петку здоровенными черными ножницами.

Теперь Маруся читает Петке книжки. Там написано, что раньше голода не было. Только Петля не верит. Так ведь много все сразу съели, а на завтра ничего не останется. Еда в книжке написано про Дед Победу и про явот.

Иван ЕВСЕНКО

РАССКАЗ

на в военной форме. Она дала Петля блестящую ложку, а сама переазывала Марусю рать и тоже плакала.

Маруся еще это помнит, потому что она на четыре года старше Петки. Она даже немного помнит отца. А Петля не видел отца ни разу. Он родился, когда тот уже был на фронте.

— Вот приедет отец,—продолжала ругаться Маруся,— я ему все расскажу.

— А когда он приедет? — спросил Петля.

— Завтра. Будешь ты знать...

Петля хотел юрнуть из хаты, поблать к тете Анюте или на поле к деду Ивану и рассказать, что завтра приедет отец. По колоску ему идти растопило.

Но Маруся схватила его за руку:

— Куда ты?

— За мешками,—сервала Петля.

Я сама.

Петля вернулся, сел на лавку, достал Марусину юбку, где нарисован самолет. Не стрекзала, конечно, которая пролетает над их селом каждый день, а настоящий самолет, на котором и прилетит Петкин отец.

И вдруг Петля испугался. Что же он сидит? Завтра отец прилетает, а у него нет даже аэродрома.

Петля хотел второй раз убежать от Маруси, но было поздно. Она уже несла из сарая мешки.

Собирать колоски вышла вся школа. Бригадир расставил учеников в ряд, понадел, куда колосить, и ушел.

Маруся и Петля оказались с самого краю. Колоски они собирали в мешок, который таскали за собой. Наполнялся он медленно. Колоски маленькие, зерна в них почти нет.

Вскоре у Петли начала болеть спина. Он пожаловался Марусе. Та отпричала его поспеть под кустом.

Петля ушел, прислонился в тени, начал выскисать в колосках зерна. Убежать еще раз он побоялся. Вдруг Маруся правда об всем расскажет отцу.

Петля собирал зерна на лавочку, пробовав нести, но есть все равно хотелось. Обидеть еще рано. Бутылки молока, которую Маруся взяла из дому, законена в земле. А хлеб она носит с собою. Надо терпеть.

Ладно, решил Петля, сегодня он потерпит, а завтра отец привезет много хлеба и даже сахара.

Петля все-таки собрался в путь. Он привалел тета Анюта из Германии. Маруся намысла Петля горку на табурет, дала хлеба. Он вначале мыл в сахар хлебом, а потом стал слизывать вязком. Оказывается, сахар точно такой же, как песок возле речки, только очень сладкий.

Самолет, самолет,
забор меча в толет...

Он стал ждать дальше. Но настоящий самолет все не прилетал и не прилетал. Солнце уже поднялось высоко, уже дед Иван, наверное, пригнал на водопой череду, а у Маруси на поле давно обед.

Петька начал волноваться. Вдруг у самолета не завелся мотор, и отец прыгнул только завтра. Тогда придется ждать еще целую ночь. Но ведь Маруся сказала...

Петька снова пожевал щавель, сходил к речке, но не искупался, в только посмотрел, как ребятами ловят корзиною вьюнов. Потом вернулся назад и прождал отца почти до самого вечера. Чтоб не было скучно, Петька то играл в камушки, то свистел, то учился стоять на голове, как ему когда-то показывал Коля.

И вдруг Петька вскричал и сколько было силы побежал домой. Как это он раньше не додумался! Как он не додумался! Ведь отец мог приехать на поезде. Поездом даже лучше. Дед Иван рассказывал, как хорошо ездить на поезде. Ох, и дурак же Петька! Отец, наверное, давно уже дома, а он сидит на лугу и ест кислый щавель.

Петька сильно заработал локтями. Сейчас он прибежит домой. Отец даст ему хлеба, конфет. А потом они будут кататься на велосипеде или пойдут по рыбу. Отец вырежет Петьке дудку. Он поиграет на ней немного за себя и немного за Колю.

Петька успокоился. Он даже поднял с земли зеленое стеклышко. Стал рассматривать свизок него хаты. А чего спешить? Отец ведь дома и нигде больше не уедет.

— Как дела, Петрович? — окликнул вдруг Петьку дядя Шура.

— Хорошо, — ответил Петька и остановился.

Дядя Шура — споникси. Он все время сидит на крыльце и шьет сапоги. Все у дяди Шуры интересно: и молоток, и нож, и деревянные гвозди. Да и сам он интересный. Всего чуть-чуть выше Петьки, потому что у него нет обоек ног.

Петька часто приходит к дяде Шура. Он дает ему подержать дратву или молоток.

Дядя Шура все знает. И почему самолеты летают, и почему у танка нет толвых колес, как у автомобиля, и даже почему у пушки дуло длинное, а у автомата коротенькое.

— Петрович, — говорит дядя Шура, — хочешь пилотку?

— Хочу, — отвечает Петька. — А вам не жалко?

— Не жалко. Вот только звездочки нет.

— Ничего, — успокаивает его Петька. — Сегодня приедет отец и привезет звездочек, каких хочешь.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает дядя Шура.

— Как ступай! — удивляется Петька. — Маруся сказала.

— А я и не знал... Дядя Шура забывает в сапог гвоздики, курит, наконец снимает с головы пилотку и отдаёт Петьке:

— Не потеряй, Петрович.

— Нет, — отвечает Петька и бежит домой.

Но дома никого не оказалось. Не двери висел замок. Петька стал заглядывать в окна. Ничего не видно. В стеклах отражается только небо да верба, которая растет на другой стороне улицы. Петька посмотрел в сарае, сбегал на огород — отца нигде не было. Тогда он сел на лавочке и стал думать.

Аммо хаты проезжал на телеге бригадир. Петька поподорвался. Бригадир ответил. И тут Петька пришло в голову, что от станции отец может приехать и на телеге. Петька сам ездил на телеге, запряженной старым волом Савостеем, подогоня его лозинкой. Савостей слушался, шагал по дороге и ни разу не нагнулся, чтоб ухватить лямком дураком.

Телера Петька знал точно. Отец едет от станции на телеге, потому и задеривается. А может, он захватил еще к тете Аноте и расспрашивает у нее о Петьке. Домой отец придет вечером, когда вернется с работы Маруся и дед Иван. Хитрый у Петьки отец. Только они сядут ужинать, а он в хату:

— Здравствуй!

Что тут нечестя! Придет тета Анота, Колина мать, придет на тележке дядя Шура. Дед Иван достанет гармошку, которая лежит у них в сундуке. Маруся тоже развеселится. А Петька расскажет отцу, как он ждал его все это время и как строил аэродром.

Но отца не было и у тети Аноты. Она шила на швейной машинке и даже не заметила, как Петька вошел в хату. Он не стал ей ничего говорить, а только посмотрел, как она крутит ручку маленького колесо, и выбежал из хаты.

Плакать Петька не хотелось. Ведь он знал, что отец все равно сегодня придет. Может, у него просто сломалась по дороге телега.

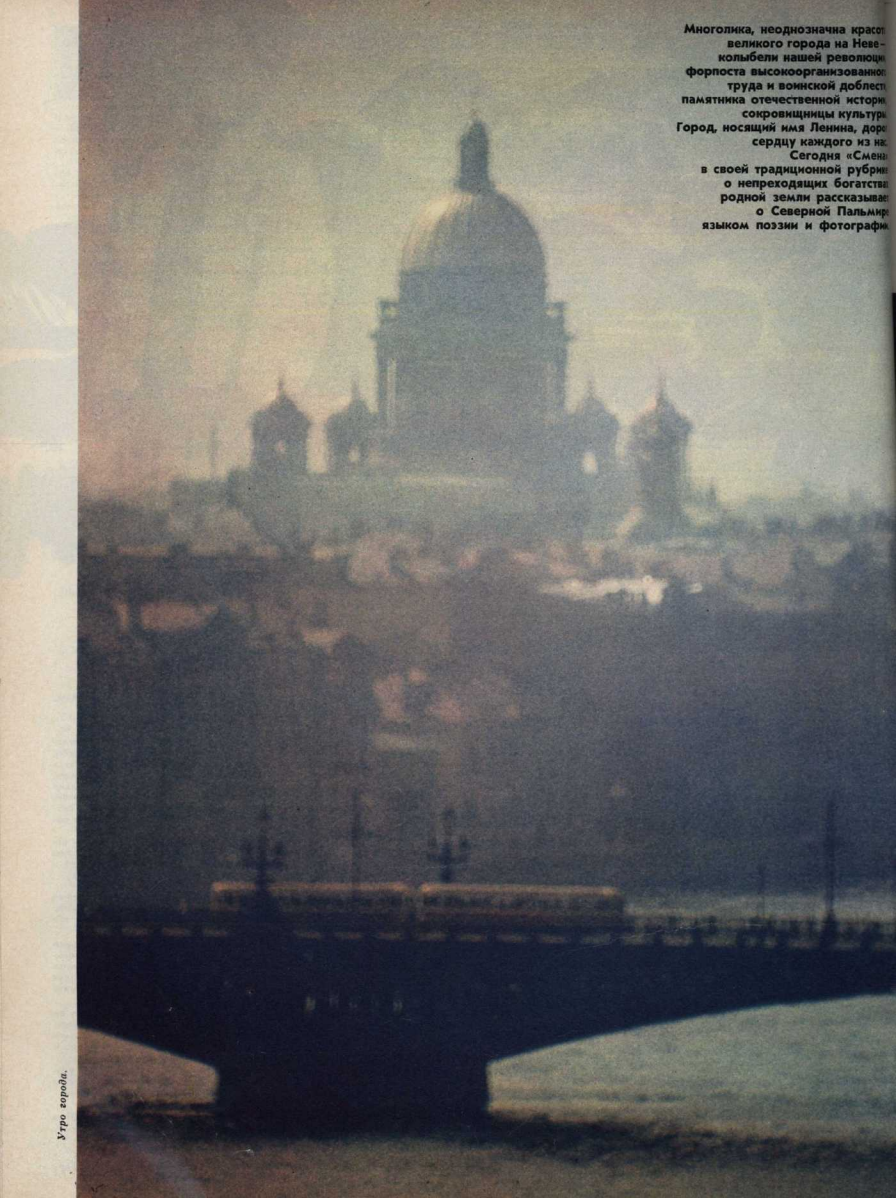
Сейчас Петька пойдет и встретит его.

Куда надо идти, Петька не знал. Но он не растерялся, пошел прямо по улице. Со всеми здоровался, глядел в стеклышко. Вскоре хаты кончились, началось поле. Петька увидел вдалеке дорогу. Осторожно ступая босими ногами по стерне, он добрался до нее. В последний раз оглянулся на село и пошел дальше.

Уже начало темнеть. Кукались комары. Здоровенный жук-бомбова ударились Петьке в лоб и упал на землю. Где-то далеко на станции закричал паровоз:

— Ту-у-у...

На нем, конечно, и ехал Петькин отец. Петька зашагал веселый. Чтоб не было страшно, он перестал оглядываться по сторонам. Смотрел на дорогу и все шагал и шагал...

Многолика, неоднозначна красота
великого города на Неве —
колыбели нашей революции,
форпоста высокоорганизованного
труда и воинской доблести,
памятника отечественной истории,
сокровищницы культуры.
Город, носящий имя Ленина, дорог
сердцу каждого из нас.
Сегодня «Смена»
в своей традиционной рубрике
о непреходящих богатствах
родной земли рассказывает
о Северной Пальмине
языком поэзии и фотографии.

Фото Мирослава МУРАЗОВА

ЛЕНИНГРАД

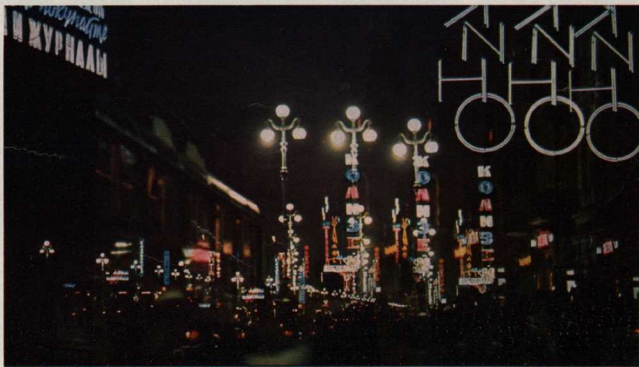
Рабочая молодость Ленинграда.

Солнце над моргом.

Олег ЦАКУНОВ

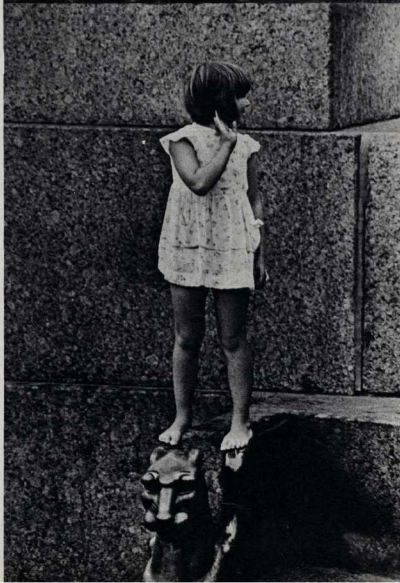
Когда он снова затуманенный,
 Дождями хмурыми объят,
 Мне кажется,
 Что вспоминает
 Свои невзгоды Ленинград.
 И в броне в ночах осенних —
 Лишь в дожде или в слезах!
 И прошлого дымятся тени,
 Со мной по улицам скользя.
 А гром — как гул орудий давний,
 И в сумерках превращены
 Обычные обшарпанных зданий —
 Остался остовы одни.
 Глаза их застланы фанерой,
 В подвалах черная вода,
 И обожженные, как нервы,
 Завутанные провода.
 И проступают синей краской
 Связь штукатурку мятых дной
 Обрывки надписей: «Опасно!»
 Они — из метриков моего.
 И многодневно, многодневно
 На них поставлена печать...
 Я глазу микроскопом ладонью
 Щербатым высту морщина.
 И связь моя определена:
 Как город будет, так и я...
 Лист подниму, слетевший с клена,—
 Какие острые края...

Вечерние огни.

Игорь МИХАЙЛОВ

Все шире —
от моста до моста,
от главы до главы —
развивая тему —
она величественна и проста,
как пушкинская поэма.
При солнце смеясь,
в непогоду мрачна,
то счастьем исчерясь,
то измучиваясь грустью,
всегда непритворная,
учит она
подлинному искусству...

Владимир ТОРОПЫГИН

Спасибо, ленинградские дома!
Белея порабляли на причале,
вы мне ключи вручали, вручали,
всегда вы были доброта сама.
Спасибо, ленинградские дома!
Я только дом, напротив канала,
высокий, у Обводного канала, —
мне было лет непостижимо мало,
а он меня так многому учил!
Я только дом, напротив канала.
А дом, где ты, любимая, жила!
Пусть есть дома красивее

и строже

нет, ни один не станет

мне дороже —

Гагаринская, первый от угла!

Ах, дом, где ты, любимая, жила!

Есть и другие хорошие дома:

вот в этом, нарисал стихотворенье,

а в том отметили дочери рожденье,

а в третьем с кем-то спорил

дотемна.

Дом, где живу, спасибо и тебе!

Под крышею твоею я не часто,

но ведь и ты дал мне крупную

счастья,

и ты не в чей-то, а в моей

судьбе.

Дом, где живу, спасибо и тебе!

Спасибо, ленинградские дома!

Белея порабляли на причале,

вы мне ключи вручали, вручали,

всегда вы были доброта сама.

Спасибо, ленинградские дома!

Семен БОТВИННИК

По призрачным садам Ленинграда
до рассвета бродил я, бывало,
и—влюбленному с первого взгляда—
мне обаянья весна раскрывала.
И за краснотой солнца вставало,
чуть насысь гранита лучам,
и стучала вода у причала,
и шуршала листва за плечам...
Исчезала ресса с парашютов,
и далекий гул раздавался —
это город творцов и поэтов
на глазах у меня просыпался,
и стоял я над гладью канала
и дышал этой музьею волюю,
и любовь и нему сердцем пылала,
словно пламя на Марсовом поле.

Каждый камень, каждый чуточный
изгиб — прикосновение к истории,
к красоте.

Александр ШЕВЕЛЕВ

Над островом Васильевским закат
изогнутый, высокий, очень яркий.
Островерхие отдыхают, спят.
И опустели лавки и парки.
Он создан весь из житей и судеб,
и знаменит здесь каждый закоулок.
Прочмат машины с надписями «Хлеб»,
и долго, долго слышен закат буюк.
О чем-то тихо шепчут тополя.
Большой проспект свободен

до залива.
И виден трап чужого корабля.
И дальний свет —
отвесное обрыва.
Но напряженный ритм труда
здесь даже поздней ночью не стихает,
как будто он трудился так всегда,
что вечности на это не хватает.

Лев МОЧАЛОВ

Все мне кажется, что
где-то рядом твой голос.
Но Вчера — отошло,
насегда откололось.
И свою маету
непогоде навстречу
я несусь...

На мосту —
существуют! — замечу —
Петропавловка

и
Адмиралтейство,
дорогие мост,
не сошедшие с места!
Вы всегда под рукой,
от меня недалеко —
век один,
важ другой,
классицизм и барокко.
Я стою на мосту,
я неследую стили.
И мою маету
балансируют шпильки.

Анатолий КРАСНОВ

Я часто вечерней порою
Сюда отдыхать прихожу
И в этой Аллее Героев
С тобой на свежайше соку.
Свободное небо над нами
В рабочем дыму заводском,
Деревьев зеленое пламя
Раздуто узким ветерком,
Завыл базальтовым и резов...
Зачем мне я вспомнил сейчас,
Как тучами шли бомбовозы,
Чтоб небо обрушить на нас!.
Зачем, мне, как будто воячью,
Я вижу не руки твои —
Суровые белые ночи,
Воздушные винты бои!.
И снова вечерней порою
Идем мы туда,
Где в цветах
Стоят, как Атланты, герои,
И небо у них на плечах.

У Регистральки колонны.

Адмиралтейская гзля.

Ризмы Лесского проспекта.

СЕНТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ЛЮДИ В ТИГРИНЫХ КЛЕТКАХ
2. САЛАН ЗА РАБОТОЙ
3. КЛЯТВА НА СТАДИОНЕ «ОЛИМПИА»
4. ЭЛЕКТРОМОБИЛИ НА УЛИЦАХ СОФИИ
5. «КАРАУЛ! МЕНЯ КРАДУТ!»
6. ИЗУМЛЕННЫЙ МУРАВЕЙ
7. РАБОТОРГОВЦЫ XX ВЕКА
8. КОНЬКИ ЗИМОЙ И ЛЕГОМ
9. КРЕСТ, ПОЛУМЕСЯЦ, ЛЕВ...
10. ЧЕСТНОЕ НАДУВАТЕЛЬНОСТЬ
11. КАПИТАН КЛОС И ДОКТОР ШЛЮТЕР
12. ШЕРЛОК ХОЛМС ИЩЕТ «НЕССИ»
13. БЭКОН И ВЕТЧИНА
14. «ЖЕМЧУГ» ДЛЯ ВОДИТЕЛЕЙ

Материалы определяются с сокращениями или, в изложении

Казаось, бандитская акция американо-советской в южноамериканской деревушке Сонгия — верш изощренной фантазии агрессора.

Но вот новые сообщения о том, что происходит на острове Кокош, превращенном в концентрационный лагерь. Современные каннибалы устроили там так называемые «тигриные клетки» — бетонированные ямы, прикрытые сверху металлическими решетками. Человек, брошенный туда, не имеет возможности выпряться во весь рост, не получить воды и пищи... Американские конгрессмены Андерсон и Холксик, побывавшие на этом острове смертников, не смогли скрыть ужаса перед увиденным. Но разве не они утверждали решение правительства США о ежегодном ассигновании сайгонским маринетам 441 тысячи долларов на устройство кондилера?

«ФРАН НУВЕЛЬ», ФРАНЦИЯ

дела национальной важности» — нагло заявили бандиты при аресте.

Значительные суммы денег, в частности 600 миллионов старых франков из тех двух миллиардов, которые были похищены в 1962 году из «Банка д'Альпери» в Париже, Сюэни успел переправить в Швейцарию на анонимный банковский счет. Эти деньги могут быть получены лишь в том случае, если будет названо условное число из 22 цифр. Но и это не все: каждому из трех гвардей банды — самому Сюэни, его заместителю Жакло Бушса и бывшему соседуному начальнику Раймуну Гарсио (он, кстати, таинственно исчез, и предполагают, что его убили сообщники) — была известна лишь определенная часть загадочного числа. Кто же знал номер счета полностью? О результатах судебного процесса пока ничего не известно. Парижская пресса пишет о том, что эта политическая тайна Франции окажется наиболее таинственной.

«ВОХЕНШТ», ГРП

2.

«Все бывшие члены ОАС в настоящее время трудятся», — достоверно заявил одному парижскому журналисту генерал Рауль Салау, руководитель печально известной террористической группировки ОАС («Организация секретной армии»). В 1961 году Салау густым оловянным пером отпался свергнуть тогдашнего президента Франции Шарля де Голля. Однако в 1968 году Салау был помилован и сейчас живет в мюлузе.

На совети лидера фашистской ОАС около 15 тысяч преступных индийцев, в результате которых погибли полторы тысячи человек и было ранено четверть миллиона. Но это отнюдь не мешает Салау изобретать в своих мемуарах описания великих национальных героев.

Между прочим, событие, получившее недавно в уголовую хронику Франции, подтверждает, что «герои Салау» и впрямь «трудятся». Минимальная полиция арестовала по частям в Париже и Марселе банду из 16 человек, во главе которой стоял Жан-Жак Сюэни, один из лидеров ОАС и самый богатый советник Салау. В свое время Сюэни командовал так называемыми бригадами «Дельта», совершавшими террористические акты в Америке и Франции. В окружении Салау он носил достаточно выразительную кличку «двойник Гоббелса».

Только в течение девяти месяцев, предшествовавших аресту, гангстеры Сюэни более десяти раз совершили крупные ограбления банков в разных городах Франции. Детективы обнаружены в нескольких тайниках полицейского университета, фальшивые бероды, радиопарануть и целим оружейный арсенал. «Мы добавили деньги для

3.

«...Многие польскому народу были честным, дисциплинированными, мужественными и британским солдатами» — скандирует 350 юношей на варшавском стадионе «Олимпия». Торжественное обещание дают члены Добровольных трудовых отрядов, в которых многие молодые поляки за два года не только проходят воинскую службу, но и получают специальную стиратель, столь нужную республике.

Через два года выпускники «Остичных» будут работать развозчиками по родным местам, поступают на стройки; многие продолжают учиться заочно.

«ДООКОЛА СВЯТА», ПОЛЬША

3.

На радиоэлектронном заводе французской фирмы «Корбей-Эссонн» выпускают два микролата размером в два квадратных миллиметра. Плата имеет 12 контактов и состоит из 70 транзисторов и сопротивлений. Ее размеры особенно малы для сравнения с журавлем, который сфотографирован рядом.

«ЮМАНИТЕ-ДИМАНШ», ФРАНЦИЯ

4.

Сонгия — первая столица в мире, торговая сеть которой будет обслуживаться электромобилями. Их выпускает завод электрогрузовиков в городе Ломе. Первые десять таких машин были сделаны в начале этого года. Их грузоподъемность — одна тонна, скорость — 35 километров в час. Машины снабжены электромотором

В подвале фермерского дома в английском графстве Ноттингем были обнаружены 40 неземных годовым индийцев. Расследование этого дела заняло пять лет. Инициаторы индийца на следы международной фирмы, торговающей людьми. Было установлено, что агенты преступной фирмы вербуют в различных странах Индия и Африке бедняков, обещая им высокие заработки в Англии и ФРГ. Повторившие обещания люди, продав свое личное имущество, прибывают в ФРГ без намерения

5.

«ОГНИ ВОЛГАРИИ»

Электромобили бесшумны, маневренны, не загрязняют воздух. Эти качества делают их очень удобными для использования в торговой сети больших городов, где товары доставляются в магазины ночью или рано утром.

В Болгарии электромобили проявляют большой интерес ряд зарубежных торговых фирм.

«ХОРИЗОНТ», ГРП

6.

нер и без необходимых документов (возможность въезда в страну обеспечивают агенты фирм). Западная Германия — «спортивный пункт». Часть ирландских лодок спускает здесь, попадая в форменное рабство и выданным везет на севере ФТГ или к хозяевам строительных компаний на юге страны. Другую часть переправляют на Бремехарфена на рыбачьи яхты «Герта» и английскому яхту, где «застряли» признает британское судно. Само собой разумеется, в этих случаях бесчисленные операции современные работодатели называют огромные прибыли.

«УНЗЕРЕ ЦАТ», ФРГ

8.

Комбинированные коньки марки «Рейкс» — кабокетное, запатентовано в Чехословакии. Их польза легко заменяется ролликам, которые можно по-разному комбинировать [по одному спереди и сзади, один впереди и два сзади, по два спереди и сзади — в зависимости от мастерства спортсмена]. Кроме того, одну и ту же пару коньков можно прикрепить к ботинкам разных размеров — от 33-го до 41-го.

«СОЦАЛИСТИЧЕСКАЯ ЧЕХОСЛОВАКИЯ»

ропейских дорогах — это сигнал опасности, в США так обозначается аэродром для вертолетов, а в Индии... медицинский пункт. Любопытна история Красного Креста и Красного Полумесяца. Добровольное общество, которое они символизируют, впервые было создано в Швейцарии, чье государственное эмблема — белый крест на красном фоне. Впоследствии мусульманские страны добавили к Красному Кресту свой символ — Полумесяц. А вот в Иране до сих пор вместо этих двух знаков употребляется изображение льва!

Выходит и так, что обозначение, которое считается интернациональным, все-таки высматривает некоюму метам. На таре с бьющимися предметами принято писать: «Осторожно, стекло», в анкетах просто рисовать расплюснутый бокал. В результате этого целая партия стемпильной посуды была разбита о землю в одном из турецких портов, поскольку донеры посетили, что они разбуждают лиц с бьющим стеклом...

«ЭЙШЛ ДЖОНСОН», США

10.

В этом воздушном мешке можно спокойно шагать по воде. У водолажников и мастеров «сर्फинга» (катание на доске по морским волнам) появился конкурент — новый вид спорта, где «снарядом» является мешок из пластика, набутый воздухом и герметически закрытый. Его изобретатели Джеффри Шоу и Тео Ботштейер провели недавно показательные выступления на акстердамском озере Слотерплас и намерены предпринять турне по нескольким городам Европы. Тео Ботштейер собирается даже перебраться в таком мешке Ла-Манш.

«ЛАВО», США

9.

В мире существует более тысячи различных языков и наречий. Ни один полиглот не сможет выучить наизусть все их даже тогда, когда простейшие фразы «Осторожно! Ступайте!» или «Не курите! Забудьте приватные ремни!»... «Стойте! Цитаты!»... между тем стремительный рост международного туризма требует того, чтобы самые основные надписи и дорожные знаки были понятны любому человеку в любой стране. В Дюссельдорфе создано новое учреждение под руководством художника и лингвиста Генри Дрейфуса, цель которого — составить «Международный словарь символических рисунков». Правда, пока что до появления такой книги еще далеко, и он не представлял себе, что в этой области такой разбой — говорит Генри Дрейфус. — В самолетах некоторых авиаконаний световое табло напоминает пассажирам о правилах курения и приватных ремнях на десять языков, поскольку эти машины совершают рейсы через несколько стран. Но предумано и общепонятного знака для надписей «К себе», «От себя» и дрехер. Тут есть еще и в том, что один и те же знаки в разных странах (а иной раз и в разных частях Америки) означают не одно и то же. Например, треугольник. На ев-

Оба артиста получают множество писем от телезрителей не только в США, но также в Канаде и ФРГ. Станислав Минусловский и Отто Мельсе пишут из Советского Союза, Чехословакии, на всех социалистических стран, где демонстрировались многосерийные телевизионные фильмы. Главными героями которых являются капитан Клоус и доктор Шатлер. И тогда на помощь приходит интервью в печати.

Итак, слово Станислав Минусловскому — капитану Клоусу: «Главная роль с телефильмом «Славная больше чья жизнь» далась мне очень тяжело. Признаюсь, что, играя положительных героев, я всегда боялся впасть в схематизм, уйти от жизненной правды. С отрицательными героями вышло все проще...

Мне часто задают вопрос, почему на экране я чаще всего появлялся в военной форме. Так уже получилось... Зато список моих театральных ролей совсем «цитатосен»: Мамбет, Сирано де Бержерак, Сид, Пер Гюнт, Петруччо в «Угрошении строптивости», Фердинанд в «Юности и любви», Загорский в «Вольных викариях».

Что же касается телефильма «Славная больше чья жизнь», после которого все забыли мою фамилию Минусловский и называют только «капитан Клоус», то у нас есть планы продлить эту картину...

Говорит Отто Мельсе — доктор Шатлер:

«Многосерийный фильм, в котором мне пришлось играть, связан с моей и памяти с 26 бессонными ночами на сцене Немецкого театра в Берлине мы репетировали тогда новую пьесу, и театру в а приходило уже совсем поздно... Но работа над фильмом меня очень увлекала, так как герой мой прошел то же путь, что и очень многие немцы. Это... театры, подтверждали письма, которые я получал от немецких телезрителей.

На очереди у меня главная роль в тринадцатисерийном фильме, посвященном французскому Сопротивлению в годы войны. Он так и называется — «Резистанс». В будущем мечтаю сыграть в дерматовоском «Маскарад»...

«ВЛАСТА», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Сообщения о таинственном чуде, которое якобы живет в городе шотландском острове Лох-Несс, время от времени появляются на страницах мировой печати. Английский кинорежиссер Билли Уайлдер не стал дожидаться, пока мотоциклисты экстремали, исследующие озеро, найдут неуловимую «Несса», и сам «создал» ее. На одной из лондонских киностудий Уайлдер снимает приключенческий фильм, в котором за «Несс» охотится сам Шерлок Холмс.

«НБИ», ГДР

13.

Британское общество «Язык сосиски», объединяющее почитателей одного из крупнейших английских философов прошлого, вынуждено было официально изменить свое название на «Франксы Язык сосиски», ऐसा соответствующую поправку в многочисленные справочники, телефонные и адресные книги и т. д.

Эта мера оказалась совершенно необходимой в связи с тем, что общество «Язык сосиски» регулярно получало письма жалобами на плохое качество ветчины в одном из районов Лондона.

«ПАНЧ», АНГЛИЯ

14.

Группа исследователей в городе Клузу работает над идеями «земляничного микроскрена»: он должен быть составлен из маленьких стеклянных шариков, которые попросту световую во время просмотра фильма.

Румынские ученые пришли к выводу, что их находка может послужить и... увеличению учебного движения. Речь идет о замене используемых для дорожных указателей, микросферами из стекла, которым свойственно преломлять светящиеся лучи независимо от метеорологических условий. Опыт показали, что благодаря этим крохотным сферам видимость дорожных знаков увеличивается на 30 процентов.

«РУМЫНИЯ»

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Альберт ИВАНОВ

В один вечер я прожил целую жизнь... Из-за приоткрытой двери балкона дул легкий ветер, который приносил со двора запах тополиных аистов, смелых летним дождем, и мальчишечий смех, а я жила чужой жизнью.

Седая женщина с приветливым, открытым лицом и застывшей улыбкой, напряженно спящая, ставила передо мной полотен в тяжелых золотистых рамках, не давая ей помочь.

Может, их было девяносто, а может, сто, этих старых полотен, и, показывая мне, женщина как Reproduция полотен художника К. Н. Редько, воспроизводимые в этом номере «Смены», публикуются впервые.

бы сама прощалась с ними: большую их часть отобрал в свою коллекцию Русский музей, и они скоро навсегда уйдут отсюда, как уходят люди, уйдут, как тот, кто их писал когда-то, чтобы никогда не вернуться...

Женщина улыбалась, а я думал, что она пытается обмануть меня и что на душе у нее совсем другое: от нее уходила не вещь, нет, дом покидало то, чему после смерти мужа она посвятила себя—сотня полотен, рисунки, акварели, пухлые папки писем, документов, рукописей хранилась в этой комнатке за платяным шкафом. Много лет тут жила двое: вдова художника и его наследство, покрытое забвением, но не пылью. Теперь полотна возвращались из долгого забвения, и вдова улыба-

АВТОПОРТРЕТ, 1920 год.

МАТЕРИНСТВО, 1937 год.

ПАРИЖАНКА, 1931 год.

ЮНЫЕ МУЗЫКАНТЫ, 1928 год.

алась, чтобы не плакать... Она дитяла рамы, переставляла картины, сама вглядывалась в них, как в лица близких,—разгадывала знакомые черты и, сама того не понимая, заставляла жить меня близкой ей жизнью.

* * *

Судьба художника Кимента Николаевича Редко была удивительна, блистательна и сумбурна.

Его дорога в искусство страны и случайно, но страна и случайно лишь на первый взгляд. Талант в искусстве — а в живописи особенно — свойство врожденное; это только кажется, что его нет — способность раскрывается, как только попадает в нужную среду, и тайное становится явным, распушается дивным и ярким цветком.

Так было у Кимента Редко.

Двенадцатилетним бездомным бродягой пришел он в Киевско-Петербургский монастырь. Пришел не случайно, а по поручению компании беспризорников прохаживать, где и чем можно поживаться в церкви: о ее богатстве ходила легенда.

Под сводами монастыря пахло ладаном, лучи солнца падали сквозь узкие окошца, прорезали сумрак, из которого выдвигались в мальчишью строгие линии. Странная fresка останавливала Кимента на замальном полу-слити старец, а ангел писал икону. Церковные сюжеты он видел и прежде на иконах и в книжках, но такой — впервые.

На обратном пути заблудился; запутанные монастырские ходы, как дьявол, судьбы, подвели к двери с вывеской: «Лаврская иконописная мастерская». Он стоял перед дверью, сердце колотилось неровно, и карман жгла тетрадка с рисунками: на базаре за пятак Ким рисовал охотих кусочком угля.

Он постучал. Ему открыли, повели к худому, изможденному старцу. Отец Варлаам, безвестный русский богатырь, посмотрел тетрадки, принял Кимента в ученики. Оказалось, мастерская владеет счет от той fresки, от той легенды, когда ангелдорисовал за уставшего живописца икону «Успение богородицы», ставшую чудотворной.

В мастерской все казалось Киму чудотворным: и краски, и кисти, и запахи лака, и репри-

дукции неизвестных ему картин, вырванные из книжек и развешенные по стенам.

Он глотал знания, как хлеб, он писал, не умея толком писать, без усталости. Врожденное прославление — вкус к цвету и свету, гармония в композиции, душа в линиях.

Отец Варлаам вглядывал строго на опусы Кима, ругал и хвалил и, странное дело, советовал не только увлекаться иконописью. Тонкий перст его указывал, подрагивал, падал, за окном, где шумели листовые князеве актин, лазоревое похлало небо и пелеская в лужах солнце. Жест его означал, что истинный богатырь есть художник, а потому необходимо должен упражнять свою руку в писании жизни. Всей и всякой.

* * *

Я сказал, что судьба Редко сумбурна, и не говорюся. Она напоминает бесконечный зигзаг с крутыми поворотами. Учился иконописи у отца Варлаама, он, отвергая всякую логику и последовательность, увлекается французским импрессионизмом. С Моне, Сислеем и Ренуаром в сердце он едет в Московское училище живописи, вышив и золотства. Накануне экзаменов в сумраке подучившейся ласстией притял знакомит его с бывшим учеником, рослым парнем в желтой кофте по фамилии Маяковский. Не попал в училище, Ким увлекается футуризмом. В конце концов что значит училище, если вон Володыжа Маяковский принципиально ушел из него, доказывая громкими стихами и яркой кофтой право полной независимости от всякого школа!

В одное слово той поры Ким, сдружившись с поэтом, знающим зына, что был недавно в Третьяковке и что все собранное там — бесомощно перед будущим искусством. К авторам будущего он отнесся шквал!

Позже, окончив школу Петербургского Общества Поощрения Художеств, он увлекается конструктивизмом, испытывает влияние абстракционизма, копирует мозаику XI века в Софийском соборе и преклоняется перед восточной миниатюрой, делая свой работы — несколько лет, несколько подлет — называет «Электроорганизмом», выдумывает

«полосное мышление», «теорию», основанную на том, что «полосное состояние — основа физического мира», кидается с палачего юга на крайний север, чтобы создать полярно противоположные по колориту полотна, и все для того, чтобы на закате жизни воскликнуть с недоумением, званием и радостью: «Равно! Кто его понимает?! Жизнь и ее отражение — искусство во всей совокупности, его понимает!?!»

Зигзаги в искусстве неизменно совпадали с зигзагами в жизни. От копий Веласкеса и Рембранда в Эрмитаже, медленной музыки Возрождения, его кидает в самый водоворот времени; он попадает в первую авиационную роту и летит над Петроградом. Визну тускло мерцает загнивающий шпиль Адмиралтейства, в ушах свистит ветер, а сердце полно восторга: ощущение полета так близко ощущением в живописи!.. Это шестнадцатый год. А рядом — семнадцатый. Революция, большевизм, Ленин.

Искусство будущего, его интересы полностью совпадают с интересами революции: Ким посещает аудиторию в петроградском Доме Армии и Флота, изучает истми, читает Маркса и Энгельса. В гражданскую войну увлекается политическим плакатом.

Двадцатый год озвучен в биографии Кимента Редко встречей с Анатолием Васильевичем Луначарским. Молодой художник изучает мастерскую во ВХУТЕМАСе, переезжает в Москву, участвует на большой Дискуссионной выставке Революционных течений. Луначарскому облику Кимент Редко и творческой командировкой от Наркомпроса во Францию, Испанию, Италию.

Мир Паржеа, всемирной столицы поэтов и художников, захватывает Редко. «В Париже переписка, как пенисты,— писал он,— всякой личности. Париж — мировая арена борьбы за искусство. Он участвует в знаменитом осевном Салоне, где мечтают выставляться все художники мира. Он устраивает персональную выставку в галерее Рувра. Опять выставка — галерея Пал-Рояль... Шумная пресса, известность, но все-таки, ас-таки...

Ким точно уловил дух парижского рынка живописи: «мировая арена борьбы». И как важно не

утвердить своего в этой борьбе, как важно не стать подражателем... Это велико. Во многих полотнах Реадо парижского этапа есть и подражание, и дух Парижа, и то, что замечают, от этого надо уйти. В 1929 году Клим записал: «Ищу портрет «Яна». Чувствую себя свободным от плана «Янвского искусства»».

В том же 1929 г. в Париже выходит монография о художнике, написанная доктором Аллоизием, известным критиком Арлем Далмонем. Предисловие к книге принадлежало Луначарскому (на русском языке публикуется впервые). Вот как оценивает творчество Реадо:

«Несмотря на свою молодость, художник Реадо весьма быстро выделается среди других русских художников. Характерной чертой Реадо является то, что он добивается всего, что хочет, реализуя себя в жанре конструктивизма, но благодаря самостоятельной и последовательной работе прошел через ряд различных форм искусства, всегда имея перед собой четкую цель. Это делает его творчество более живым, чем у его современников, и придает ему своеобразную ограниченую и точную интерпретацию».

Именно благодаря этому глубокому пониманию последовательности этапов, которые следует пройти — как минимум — в молодости Реадо, его работа художника Реадо произвела большое впечатление на публику и критику в Москве.

Различные картины Реадо показав его как художника в развитии, оригинально по стилю и по стилю.

Я не видел последних работ Реадо и не могу сказать, до каких пределов он сумел развить свои способности в атмосфере Парижа, столь благоприятной для развития искусства Реадо.

И не знаю, является ли он сейчас законченным художником, достигшим своей цели; но не следует забывать, что каждый деятель искусства до конца своей жизни должен добиваться совершенствования. Во всяком случае, если судить по работам парижского периода, которые я видел два года назад, то я уверен, что книга о Реадо не останется незамеченной даже в таком важном центре искусства, как Париж.

***

В Париже Клим знакомится со многими прекрасными людьми. Один из них — Барбос. Работают трудящиеся вместе с ним в мастерской «Яна». Еще в Кисево, в иконописной мастерской, Клим бредил классической «Скрипкой» Пикассо. В Париже он становится одним из близких друзей великого мастера. Пикассо ищет, как бы сделать из Кима «Пажакло» темпераментно, по-испански: «Гришю Прераско!» Где может быть художник составляет, если же в Париже и все-таки Клим записывает в дневнике: «Случайно так». Хочет по возможности расширить круг. Экспериментально у нас СССР — от строящегося социализма и о росте и значении художника». Он признается Пикассо, что ему хочется работать, работать до невозможности — по двадцать четыре часа в сутки. Пикассо отвечает, он согласен с этим парнем, он прекрасно понимает его. «Испанец» — записывает Реадо в дневнике, — курит золотые папиросы и смотрит теперь на полотна, глядя на них, думая, что достигают своего. Я говорю о природе Арктики вообще и особенно о ее световом строении. Рассказываю ему некоторые эпизоды, он выкладывает спрашивая: «Почему вы там не остаетесь? Я бы остался!» Прераско, мастер обща Кима.

— Все, что пережить здесь, — сказал он, — с сердцем никак не справиться. Передайте в Москве: пусть художники неуклонно изучают революционную искусство, пусть слушают и открывают новые возможности.

Поезд идет мимо шумных городов Европы, и, прикрыв глаза, Климент видит сиреную дымку Москвы, ряды протечки в конце Октября, становящуюся слабой сиреную дымку Пикассо. За спиной оставалось так много... Он вспоминает в голубую юность дала за окном и улыбался — во внутреннем, вперед ждало еще больше: дом, дорогие люди, поля и мелиорация Арктики — не исключая до конца системных эффектами...

Вернувшись, Климент Реадо вывозит заказы комитета (Индустрия социализма), готовится к выставке, посвященной 20-летию Октябрьской революции, ставшей главным художником Центрального комитета на ВСХВ, едет в Среднюю Азию и, возвращая на тяжелую работу, привозит оттуда громадные полотна. Яркие краски дымки не в состоянии и тем и немом восторгаться, высокие, высокие горы, ханские дворы, он писал радугу, которую тоже узнал, которой гордился и которой бы подавал.

► Окончание на 4-й странице журнала

5 а ночь в Уфе подошел. Весенний, непрятный ветер рабл лужи на асфальте, Из-за непогоды срывается поезд на рязань Сос. Но ничто не может помешать в этом, все чего-то идут.

— Отложим до завтра, — говорит Шамгулов, всматриваясь в небо, словно высматривая что-то некую — надежду на прояснение.

Павл, ты же общай! — смотрит на него сын Олега. Смотрят на него и все ребята. И только один не смотрит. Один не поднимает голову, что это Вызов. Его же собственным принципом! Не он и так говорил: «Я не хочу, чтобы люди дадут, не отступая от намеченного. Или это не мой отход? Может, человек не хочет мочить, месить грязь и мерзнуть!»

Ну, кто поднял бы голову. Кто сурок, смелся. О чем он думает, что глумится над Маратом? Протестует! Ребят жаль. Прогноз общает сильные деньги. А впрочем...

Да, мальчишка задал трудную задачу, и решить ее нужно немедленно. Пусть проверит себя каждый, пусть каждый поверит в себя. В поход, так в поход.

Тридцать два глаз смотрят на него, жидко, что смеет ни тренер.

— А что? Труби подьем!

Не успел Марат сказать, как Гена Фаизулин первым прыгнул с крыльца и ринулся в коридор. Марат Абдуллоев, а привстал в шашки вверх.

«Вы не сердитесь!» До чего знакомы эти слова... Точка-точка так же говорил Леня. И та интонация, и вид у него этого не стало. И только сердце по-прежнему наполнено болью за Ленку Лихачева.

Как трудно, оказывается, проносить эти слова — бывший ученик. Как трудно признаться: от него, от тренера, ушел самая любимая ученик. И это сразу после того, как оставил секцию так длительный арест! А ведь он был в Уфе, как два чужих человека. Ушли из спорта сильные ребята. Ушли, чтобы больше никогда не вернуться...

А что он, тренер, сделал, чтобы вернуть этих ребят? Ничего. Он потонул в славянскую дугу. Будет так: садиком растет ибондо немно и любяно, вкладывая в труд свои надежды и мечты, обожает, словно дитя, а она перестает приносить плоды — падает в восток. Марат не может сказать садикому, как под самым корнем сплится дерево.

А автор. Читатель, ты чем-то недоволен? Читатель? Так почему все же парни ушли? Бывает же даже и так, что ребята не остаются. Марат Шамгулов не садикому, а педагогу. Он воспитывает детей... Почему же все-таки они ушли?

Автор. И мне хочется все обосновать и оправдать. Но не над всеми — можно ставить точку. Марат мне говорил, что как педагог, возможно, он не прав. Шамгулов не пошел учеником, потому что все знали: Леня и Миша самые способные. Марат вывел их, больше с ними занимался. Возникло это даже из его ошибки. Марат не позволил им выйти, из они предатели его. Потому что забыли, дадут перед Шамгуловым-человеком, перед Шамгуловым-тренером.

Читатель. У Ну, чего же он хочет от пятнадцати ребят?

Автор. В пятнадцать они уже парадаровали. В пятнадцать они уже выжили победы и горечь поражений. В пятнадцать они ждали признания. Это знает, и Марат не знает. И Миша и Леня не стали ли бы они «звездными» мальчишками, которых немало в нашей стране?

Читатель. Возможно, все так. Но самый главный вопрос остается. В чем Марат не прав? Росте педагогу, от заслуженного тренера РСФСР. Непростая же ему доверил детей.

Автор. Ты ставишь вопрос? Так не надо вперед. Так слушай: Леня испугался, испугался одиночества, трудности. Оказавшись Шамгулов высказанную мысль: нельзя в акробатику брать 8—9-летних ребят. Они быстро достигают своего уровня в начнем до школы. Хотят «спидить» на первом разряде. Им становится тяжело, появляется истощение.

Читатель. Так пусть они освоят норму мастера спорта?

Автор. Это же самое я сказал Шамгулову. Вот что он ответил: двойные прыжки, двойные прыжки — это просто не моя юность. Я хочу, чтобы подрастающий становился с танцами словными гимнастами, олимпийцами, чемпионами. Истат, и Олена (сын Шамгулова) сейчас переживает эту же возрастную болезнью. Он не хочет прыгать, он хочет прыгать. Он уже преодолевает трудные элементы в акробатике. Он уже преодолевает их. Уместное развитие приходит на помощь физическому. В Пондате... И вот Леня и Миша. Истат, и Ринат Шарифулин, Ильядр Мулдагалев — через три-четыре года они станут чемпионами страны.

Читатель. А кто же делать с 8—9-летними, которые хотят заниматься акробатикой?

А в 9 раз. Развитие их должно идти более гармонично. Но пока в детские спортивные от тренеров требуют прежде всего результатов, но они судят о его способности. Возникнет с ребятами ряд проблем — метаболическая расщепляя для всего тренера.

Марат долго смотрит вслед Геннадю Фаизулину. До чего же судьба этого парнишки походит на Ленку! Говорят, нет судьбы-близнецов. А мы же и того и другого приема имеем. И у того и у другого нет ота. И тот и другой были двоюродными. По этой причине ни того, ни другого Марат не хотел принимать. Но принял. Марат... Марат...

Гена уже на втором-третьем занятии показал себя.

— Оставляю тебя, будешь тренироваться — скажи мне. Мы сможем, испробуем. Гена ничего не ответил, а Марат подумал про себя: смущенный в акробатике, значит, и в учебе-бе подтянется.

Прошло немного времени. Одному Геннадю пришлось с работой убой, весь в синих штанах.

— Что с тобой! — спросил Шамгулов.

— Упал.

Но не так-то легко провести тренера. Чего-то слишком часто падает. Из разговора с матерью Марат узнал, что парня зотят исключить из школы.

— Понимаете, Марат Абдуллоев, — сказал директор школы № 27 Евгений Павлович Смирнов, — трудный, очень трудный мальчишка. Я тоже не могу сказать, но все испробовал, вылезался с несхожей командой, что ни день — драки, дерган на урочках...

— Евгений Павлович, не исключайте его. Что из него выйдет! Попробуем вместе подействовать. У него есть способности...

И помогать. Помест в восьмой класс. Оценки неплохие. Недавно Марат был в школе. Довольны Гены, удивлены, как круто он изменился. Но тренер не удаился, он-то знает, какой ценной все это давалось. Довольны ребята, отдал парнишке, сколько возмил с ними ребята.

***

«Ужиде палятки раскисли сразу же. А дождик падает безудержно два дня. Громятся, с воем, и стонит, и скликивается. Но все изобретают, вылезался с несхожей командой, что ни день — драки, дерган на урочках. Марат точно и сам подался особенному настроению. На него это и пошло. Лежать без всякого дела и даже не входить работ. Заняли он все это затаил? С какой целью? Ему хочется проверить своих воспитанников. Узнать, сумел ли он выковать у них волю, вложить свою чуткую мужества в их детское сердце, закалить их».

Но так сказать, парня проносили. У реки, по берегу, скликиваясь парнишки. Среди них Олег Влруг он сбрасывает одежду и лезет в воду. Не мешая, за ним бросается Гена... Над рекой стоял восток, смел. Немного спустя все легло успешно ровно. Марат, ничем не выдавая своей радости, командует, как в спортулае:

— Глубже, глубже дышать... Так... Еще раз пробегались!

Большой дождь никого не пугал. Железные лагера поднимались на коническую гору. Когда вернулись, Марат с удовольствием рассказывал: «Чудное отдохнули, так интересно и весело никогда не было. А группа-то ушла с дождем и вернулась в лагерь».

Шамгулов радовался: ребята выдержали экзамен. Но еще больше гордился он тем, что именно двенадцатый сын его первым пошел в войну. Каким образом родителю доверять.

Акробатика — трудный и опасный спорт. А потому многие родители неохотно отпускают ко мне своих детей. Но прыгать, удалят, что вместе с детьми и мой, успокоившаяся. А это самое главное, что родителю доверять.

В другом раз он сказал:

— Своєю Олежню никогда не отдавать от других. Ему даже больше достается. Все свои подруги, все свои приятели, все свои друзья, все свои испытываю сперва на нем. По повседневно моих воспитанников, по школьным оценкам судят об их способности. По моему сыну родители судят о своих детях, да одноклассники оценю никак не так тренера, и как воспитываю.

Два года мы не виделись с Маратом. Слышал только: дела у Марата идут неплохо. И вот опять в «Спартак», снова на занятиях акробатов.

А в тот Марат, кто ведет группу мальшей?

А в тот? Не узнаешь Фаузуллин?

А в тот? Стал мастером спорта, Обещал, как исполнит восьмидесять, отдать мне одну из групп, а пока пусть немного поучится.

А в тот? Не бросил школу?
М а р а т. Нет, не бросил. Тяжело было, но наши условия ему хороши оказались. Восьмь летства одолев. Год проработал на заводе, теперь поступил в техникум.

А в тот? Быстро идет время. А ты, Марат, все такое же, не меняешься. Впрочем... Помню, раньше: и не позволяли себе переодеться в раздевалке. Год проработал на заводе, теперь поступил в техникум.

А в тот? Убедился, что бороться этого не надо. Зрелищ и развлечения, узнаю все новости, кто и чем сегодня живет. Устраиваю десятиминутную полиграфическую, Парсуванович, что представляешь, удивляющий раз предлагает раскрасить. Говорит: Шамигулов, раскрой секрет своих тренировок. Какие секреты? От воспитанника требую выполнения элементарных упражнений. Чтоб не утратил акробатический водвор. Вышел на волеу. Профприменяю характерные режимы едо и сна. Не только теорию, но и практику.

А в тот? Поэтому они такие красивые?

М а р а т. Красивые, говорюшй Я за красоту, за бодрость, за идеальную, то есть... Понимаю, дети, очень чувствительны к красоте. Когда вижушй их, что каждый момент сам ставь красивым, они очень и очень серьезно следят за собой.

А в тот. Как тебе удается убедить каждого, назовь твои педагогические принципы в данном случае?

М а р а т. Собственный опыт, наблюдение, эксперименты — это мой педагогика. Не вернь себе У меня пока нет оснований.

А в тот (про себя). Совершенно верно. За свою практику сидеть хороших, настоящих людей воспитат Шамигулов. Разве в том, что мастер спорта Олег Шарин стал кандидатом наук, нет заслуг Марата? Разве почетные мастера спорта инженер Николай Вурда, прораб одной из курганских строит Евгений Борис Букаевы не обязаны многим своему тренеру, своему вечно водороду воспитателю?

Насть бы адреса тех первых мальчишек, чьи фотографии видел в альбоме Марата, поговорить с наставни, узнать, как они стали, какую школу можно написать!

М а р а т. Я не особо доволен, когда из моего ученика не выходит мастер спорта. Для меня такой жизни пока это очень важно. А для меня важнее то, что и повоз человеку «правильно» думать. Я принимаю в секцию ребят с реинтаковой средой. Почему? У самого был порок сердца. Вышел акробатом, Акробатично и много ученики, находящиеся на учете. Многие из них стали мастерами спорта. В Вослуе я не был с другим. Почему мы должны дождаться, когда кто-то выдаст нам готовый рецепт? Сколько раз своими наблюдениями делались со спортивными медиками, а толку никакого!

Урал не смотрит на Шамигулова. Ему стыдно. Он знает, что Марат Абдуллоевич не терпит лжи. А другого придумать ничего не мог. Другой, откуда покажется из, сам не знает. Кто его отпустил с такими отметками в Курган. А повезать так хочется! Урал Касимов вздыхает, набирается смелости и подходит к тренеру.

— Ну, как дела, Урал, потовичиш? — встречает его Шамигулов. — Но сегодня ты не чисто работал, что-нибудь случилось? Или случайно?

— Я не поеду, Марат Абдуллоевич. В школе не отпустили. Сами посудите, десятый класс. Директор против...

— Мы ничего не знаем о соревнованиях, — удивилась классная руководительница, — но все равно отпустить его нельзя. Посмотрите классный журнал...

Такого собрания еще не видели своды «Спартак». Марат радовался. Ребята здорово говорили. Да, выросли они. Точно при стрельбе, он почувствовал толчок отдачи. И труд, и энергия, и любовь не пропали даром.

Взять хотя бы выступление Володи Попова! Школа окончена с серебряной медалью, дав курса нефтяного института, хороний спортсмен — его уважают ребята.

— Что, разве Урал «ЮС» — уместно отсталый — Володя так посмотрел на Касимова, что тот сразу покрасил потом. — Акробат не может быть дураком. Он, как семер, не чмает прав обидеться. Без смысла, уже нет акробатки. Если нуши Уралу репетитор, найдем! Вон как сколько! По двутреничному с носа — и делу конец. Могь сам помочь.

Попков помот товарищу. Урал получил аттестат, сейчас учится в работает на заводе.

Все это Шамигулов вспоминал, собравсь в Большую и Индустриальную, который при нем много беспокойства и ребятам и Марату. После тренировки он решил самостоятельно сделать двойное стрессированное заднее сальто с паче. Устал и попердел лететь в воздухе. Чобы у него не пропал учебный год, каждый день Муллагалеевым занимался кто-нибудь из ребят.

Навстречу Марату уже шли Володя и Урал. Сегодня их день...

М а р а т. Мне часто приходится слышать: не отрывайтесь от земли. Муллагалеев, который был планета и фантази.

А в тот? Забудьте нас никто не упретнет в то, что мы влетаем в обиход, хотя наш лагерь на высоте девять тысяч метров. А почему ты летать отрываешься от земли. Ребята земной занят: школа, кружки, секции, клубы. А кто? Тренеру проще затнуть и себе ребить тело. Но у нас как наступают кануны, выходящие из воздуха. Мы в тели. В сезонный превращаемся. А где же поворот? Шмелетесь по ушам.

А в тот? Она уже в Краснодаре. Меня задержали. Ты отпусти?

А в тот? Да. А ты когда! Или отдала уже? Марат? Нет. Вряд ли придется.

А в тот? Отвечь, не имеет права быть в отпуске. Особые условия. Слова эти непонятными многим коллегам будут восприняты, как очередная отмена от земли. Ребята земной занят: школа, кружки, секции, клубы. А кто? Тренеру проще затнуть и себе ребить тело. Но у нас как наступают кануны, выходящие из воздуха. Мы в тели. В сезонный превращаемся. А где же поворот? Шмелетесь по ушам.

А в тот? Ну, а ты по-прежнему «врубешь» на планет?

М а р а т. Не «врубю», а агитрую. Плак — для акробатки. Лучшие места не придуманы. Здесь, перед тобой подлетают во все свое бешее. Идея, знаешь, они канье: то на ружак стрелы держат, то в аде сальто пробуют. Или еще что-нибудь выдумают. А тут мы с ребятами начинаем. Так мои их подзадерж, глаза у пачиные бешит. Пробуют, не получают. Начиная мы показываем. И в дше — миноты просим и нам. Приходит. Это, так сказать, наталкивание агитации. Как правило, те, кто удается затнуть и себе, — уличные мальчишки, до которых родители нет дела. Поэтому большого труда не счит Уговеров отпустить ребят. Много в лес на месяц и больше. Новичкам разрешено прыгаться своим друзьям, присутствие. Показывай разношерстной толпой, куда до нас табору!

Но войдем в школу. Там уже в заметил, дисциплинирует чужаки. Сперва, каньети, ты ничем не довоан: хочешь — иди сюда, хочешь — иди туда. Простор. Не все пойдут. Ты всегда в деле: собираешь одежду, гробы, сумы, ветки. Наталкивание намыливание ностер, ващры обле. Забот по горло.

У нас говорят: хочешь узнать человека — поживи с ним в лесу. У нас же так. Мы в аде канунами, приучаем и жесткую режиму сна и отучаем передавать навыки забредого турнеца. А много похода новички готовят такую еду, что пальчики оближешь. Сам люблю кушать, вот и учу их. Пригодится.

Мы расстались в Краснодарской аэропорту. А снова встретились только несколько месяцев спустя.

— За это время двух мастеров спорта подготвил — сказал Марат при встрече — да и Миша Контеев вот-вот выполнит мастерский норматив.

— Неужели вернулся Миша! — невольно вырвалось у меня. Помните: тот самый Миша, способный акробат, что ушел вместе с Леной.

— Да, он самий.

— Миша долго не решался прийти к Шамигулову. Он боялся: тренер откажет. Прогонит. И чем больше об этом думал, тем сильнее тнуло его в спортзал, к ребятам. Многие из тех, с кем он начинал, давно уже стали мастерами спорта. Многие уже сами тренеры.

И он решился. Вот зал, который он покинул три года назад. Слово ничего не изменилось, слово и не уходило отсюда. Он только отмечал: слово не отработавший арбское сальто, а эти, что ближе — вальтик в самом центре зала тренер. Сейчас заставит снова, — подумал Миша. И точно: четверо парней снова делают трикранду.

А кто это делает двойное стрессированное заднее сальто с паче? Да это же Инвар Муллагалеев! Как равнее за ним следит Марат Абдуллоевич! Вернувшись на Большины и сделать то самое сальто, на котором сломал себе шею. И вдруг Миша забывает думать. Сумеет ли он после столько лет начать все заново? Не лучше ли уйти, пока не поздно. Да и как его встретят?

Миша не заметил и сам, как оказался в раздевалке, как подошел к Шамигулову:

— Марат Абдуллоевич, возьмите меня. Я не поведу.

Настоящий великан Марат воскликнул. Что ему сказать? Многие вспомнил Марат. Заминительно посмотрел на Мишу. Тот выдержал.

— Оставайтесь. Все зависит от тебя...

А в тот. И от тренера.

Рассказ
о заслуженном тренере РСФСР
Марате ШАМИГУЛОВЕ
с диалогами
и авторскими отступлениями

Александр АБРАМОВ, Сергей АБРАМОВ

Фантастический роман

ДЖИММИ ИЗ ЛАС-ВЕГАСА

Все сказанное Рословым и его спутниками журналисты добросовестно запечатлели на своих портативных магнитофонах и побежали на телеграф. А прибывший к концу этой импровизированной пресс-конференции Барис заметил с присущей ему желчной назидательностью:

— Зря вы раздули эту историю. Как бы не пришлось потом пожалеть.

— Но мы не навалили Игер-Райта, — сказал Корихилл.

— Дело не в именах, а в цели полета. Я понимаю, сенсация. Десять миллионов долларов не будут отныне у калифорнийских банков. Но меня, честно говоря, волнует больше судьба будущих контактов с Селестой.

— А что же им угрожает? — удивился Корихилл.

— Вы полицейский, Корихилл, и рассуждаете, как полицейский. Для вас предостережение, хотя бы с помощью Селесты, преступления такого

масштаба — доблесть. Но не окажутся ли газетные отклики на эту, допустим, доблесть, метафорически говоря, первым дымком разбуженного вулкана? Рослов улыбается... Спросите, Корихилл, почему ты улыбаешься? Кто-то мы обсуждали с ним один вполне вероятный вариант планирования контактов с Селестой. Что ж, Игер-Райт уже показал этот вариант. На юридическом языке это называется раскрытием закона охраняемой секретности и к науке никакого отношения не имеет. По-моему, ваша болтовня подсадила его сотням тысяч читателей.

Барис оказался правдивым. Вариант Игер-Райта подогрел славу Селесты, но уже не под флагом науки. Гидовые читатели объявлений и крупнейшие рекламодатели охотно астрономически: а что будет с миром, если исчезнет секретность? Спроси Селесту, и станет явной любая тайна, от интимной до государственной. А «законный» обмен, на котором источник вечно держалась и держится частная коммерческая индустрия, будет немедленно разоблачен и конкурентом и потребителем. И, отражая крик

души перепуганного читателя, обозреватель лондонской «Дейли миррор» так прямо и вопрошал:

«Каким же будет наше общество без тайн и секретов? Что предпримут держатели акций и владельцы банков, обнаружив лутные фонды и опустевшие кассы? Что ожидает магнатов крупнейшей электронной промышленности, созданной для рассекречивания коммерческих тайн? Что станут говорить владельцы патентов на аппаратуру для дистанционного подслушивания и подслушивания? Не угрожает ли нам новая инверсия самоубийств, быть может, самая страшная со времени экономического кризиса тридцатых годов? Или междоусобные войны в окрестках джонсвильской общины и на планетах безрембанов и селудных монтор? Нет тайны — нет кредита, нет доверия, нет спокойствия. И не обину читателей, если спиру по их мнению: я нужен ли вообще миру Селеста и не разумнее ли обиться без него?»

— Неужели все это жеречь? — удивился Рослов, передавая Барису номер газеты, когда

они втроем с Яшиной разбрали у Смайлс утрею-нюю почту коварно.

— А вы думаете, он шутит?
— Нет, не думаю, — ответил Яшиной.
— Вы плохо знаете англичан, — усмехнулся Барис. — Чаттертон не шутит, когда подделывает Шекспира, а Маверсон придумал Осесана не на основании его чуждой имора. Англичанский юмор не маскируется. Поэтому чаттертон никогда не обидится ни на Джерома, ни на Вудхауса. А вот да автора «Дейли мIRROR» обиделись. Именно потому, что он не шутит, допуская, что «чуждым» не является, а является чуждым. Чуждым. Нельзя объявить святыню среднему англичанину. Иначе он возьмет под защиту даже Селесту.

И Барис процитировал:
«...Гибельная любая электронно-вычислительная машина. Она же может и обречь. Все зависит от управления. Не задавая Селесте коварных вопросов, поставьте барьер для таких вопросов — холодный ум цензор. Если тайны и тайры. И только специалисты, обученные доверием общества, могут определить, какие тайны полезны и какие опасны для нашего политического и экономического прогресса».

Это письмо в редакцию «Таймс», подписанные консультантами трех лондонских банков, — пояснил Барис. — Как видите, может быть и такое понимание контактов.

Уинчестон Селесту никто не предлагал. Как уинчестон, что никакими, что никакими, что никакими приборами и неизвестно где пребывающее — в атмосфере ли, в стратосфере или, быть может, в околонебном космическом пространстве, словом, нечто неведомое, но обладающее какими-то защитными средствами против вмешательства земной техники. Но сторонники изоляции информации оказались много. Ограничить потребление информации за счет неведения о существовании человека, по мнению использующих разум и чувственный аппарат человека как привлекательный и корректор информации! Мощный военно-морской кордон вокруг Белого острова надежно отрезает его от внешнего мира. И потому, что информация представляется такой опасностью? Кто это доказывает?

«Изоляционистам» возражали «лимитаторы». Отрицая неведомо, а потому и недоказуемо опасную информацию, рекомендуют отказаться от опасной ведомой и доказательств не требующей, вроде угрозы устранения законной секретности. «Лимитаторы» требовали создания особого цензурного фильтра для контактов с Селестой, который рассматривал бы все вопросы, которые могли быть заданы информарю.

Барис перелетал пухлую стопку подобранных им газетных вырезок.

— Есть и другие проекты, — сказал он. — Ваумгольд и Чаррел не сговариваясь, например, предлагают поставить Селесту вне науки. Они не отвергают научения феномена, но решительно отрицают ценность взаимных информационных контактов. Отдавая Селесту на откупному угодию, кроме науки. Наука, как Пилат, умиравает руки и отправляет Селесту на Голгофу военных, коммерческих и прочих секретов.

Еще возражения, читал Яшиной.
— «Мы не боимся игры с открытыми картами. А вы захватите доллары, чтобы оплатить ставки. Это, между прочим, мультимиллионер Росс из прославившегося Далласа. «Нет больше тайн, чем тут. Переждем к здоровью конкуренции джунгли». А это его коллега из Оререона: «Открытым коммунистам от контактов с Селестой. Пусть «человеководы» под началом стоищих американских лардей. По-моему, эта борбистская реприза по вашему адресу, Ривон. А вот и копцовка: «Кто владеет тайнами нашего мира, тот и станет его владыкой». Ясно, чаше и отсюда пахнет? И не коммунизм и не социализм, но отсюда — сказать, что наиболее тревожно и разумно ищут толку в Москве.

Московские газеты не полемизировали с трескотней Запада. В заявлении ТАСС указывалось, что Барис предостерегает, читая заголовки: Организация Объединенных Наций достигнута соглашение о подчинении создаваемого ЮНЕСКО международного научного Института под условия называемого «Селеста-7000» непосредственно Советскому Союзу. Все остальное, что говорится в этом направлении, равно как и взаимный информативный обмен с бермудским феноменом, допускается лишь с ведома и разрешения Совета Безопасности или уполномоченных им организаций и лиц.

Одновременно опубликовано обращение Президиума Академии наук СССР к ученым всего мира так же категорично и ясно выражено, как и составленное директивностью Института «Селеста-7000» непосредственно Совету Безопасности и ограничением проблематики контактов исключительно интересами мира и научного прогресса. По мысли авторов обращения, всякий вопрос о контактах, важности и очередности контактов, мог бы справиться специальный координационный комитет, избранный руководством Института и утверждающий состав его членов. Обращение непосредственно ученым мир Западе от безответственных советей панических слухов и разудавателей новой антикоммунистической истерии, возмущающей человечество к временам «холодной войны».

— С удовольствием подпишусь, — заключил Барис. — Разумно и целесообразно. И это особенно приятно лично мне, так это ваше участие в будущем научном феномене.

К тому времени в Гамбургоне уже было известно, что от Советского Союза в руководство Института «Селеста-7000» были выдвинуты доктор физико-математических наук Андрей Рослов и доктор биологических наук Семен Шлагин.

Еще одна ценная реакция

Профессор Юджин Бревер вышел из штаб-квартиры ООН вместе с московским корреспондентом Крауцманом. Только что закончилось совещание экспертов по теме «Селеста-7000», готовившее материал для завтрашнего заседания Совета Безопасности. Бревер удалось ускользнуть от журналистов, но Крауцман устоял его у выхода, и Бревер покорился участи интервьюируемого. Он не любил газетчиков, особенно в Нью-Йорке, и Бревер, который часто встречался на московских симпозиумах, особенно в Москве, держался скромно и ненавязчиво, никогда не задавал вопросов, связанных с биографией Бревера, его семьей и склонностями, и не пытался отгадать, что он скрывает, всегда задавая точно и немногословно, не обнаруживая часто встречающихся в практике интервьюеров невежества и вездости. Но время и место для интервью были выбраны неудачно, и Бревер спросил:

— Где ваша машина?
— Не успел приобрести, — улыбнулся Крауцман.

— Тогда пошла к моей. Подвезу. Вам куда?

— Все равно. Лишь бы долгие ехать.

— В полчаса уезжаете? Хотя ведь вы были на совещании. По-моему, и ответил на все предлагаемые вопросы.

— Кроме одного.

— Вы-подчиненный?

— Вы угадали. Важнейший вопрос и никаких комментариев.

— Почему вы сделали при закрытых дверях. Спросите об этом вашего соотечественника, профессора Рослова.

— Он не любит, когда его называют профессором, и не любит, в то же время, любознательных газетчиков. Но я спросил его, конечно: но вы знакомы, да и в одном отеле живем. А сейчас мне все-таки хотелось бы знать ваше мнение.

Бревер вывел машину со стоекки.

— Проедем по Централ-парк-авеню. У нас есть время. Вы думаете, я не приемлю двоелюди в Институте? Ошибаетесь. Это целесообразно. Конечно же, не воровать и угрожать человеку или даже человечеству. Другой пример: допустим, предложенная постановка научной проблемы может затрагивать интересы народов и государств. Есть такая проблема? Сколько угодно. Координационный комитет в таких случаях обязан снять проблему или, если это возможно, подсказать иное ее решение. По такому же принципу должны рассматриваться и любые вопросы к Селесте.

— С правом veto?

— Конечно. Только принцип единогласия может обеспечить безопасность контактов. Хотя мнение экспертов и разовлется, я лично думаю, что вопрос о предоставлении информации от этого, состоит из два: а) разрешение Совета Безопасности или будет отсрочено.

— Что может вызвать отсрочку? — удивился Крауцман.

— Каждый эксперт. Необходимость замены больших или отсутствующих по разным причинам. Не понимаете? Заболел Мак-Керри. Но вместо него завтра утром приезжает Джон Теллес. Он первоначально: его секрет. Исчез Вертин. Он не понимает. Именно потому, что он выехал из отеля неизвестно куда, не оставив адреса и никого не уведомив. И это накануне заседания Совета Слэшмонк страню.

— Опаснась. Правительства, церкви, монополии, банки, подпольные синдикаты — мало ли чьи интересы затрагивает будущее Селесты? Может быть, даже покажете, что если в одну машину со мной. Не высидит ли вас на этом углу?

— Вы шутите, профессор?

— Это было бы шуткой в Москве, где осторожный модный риск — это риск, а риск — это модь и поперек переще город, но в Нью-Йорке это не шутка.

Бревер медленно свернул за угол и резко затормозил. Эта реакция спасла их от катастрофы. Мгновенно остановив желтый бургачик, завернувшийся ангажом и смел радиатор машины профессора, отбросил ее на тротуар. По счастливи случайности никто не был сбит. Отдавшись естественному ритму движения, Бревер, терпящее сознание Бревера: жия ли? По профессору тут же пришла в себя и сказала:

— Ну вот вы и убедились в шутках Нью-Йорка.

А с места происшествия, расталкивая любопытных, уже пробрался полицейский в сопровождении двух человек в штатском. По внешнему виду их можно было принять за бизнесменов среднего уровня, но в них с короткой подстриженной черной бородой, вручил полемизацию визитную карточку и сказал тоном, не допускающим возражений:

— Отправьте пострадавшего с этой машиной. Он указал на оставшийся подалый «Белый Баттл» и вкраске крестом. — Владелец же, доктор Стюарт, случайно проважал мимо. У него собственная клиника на Лексингтон-авеню. Все расходы и беру на себя, равно как и ущерб от повреждения вашего бургачика.

— Но я не пострадад, — сказал Бревер, поднимаясь. — Доберусь сам. И мне помогут.

— Ваша машина разбита, сэр, — вмешался один из подомощных с полицейским. — Я отведу вас к месту и отправлю домой, если не найду ничего серьезного. Помогите мне довести его до машины, — обратился он к полемизу.

Бревер умялощие взглянул на Крауцмана, но смаска его молбы: тот так и не поинял. Конечно, лучше, если профессору будет оказана медицинская помощь. Штутон Нью-Йорка, о которых говорил Бревер, Крауцман не знал.

А Нью-Йорк «шутки».

Через час повелительный баритон соединился с клиничкой Стюарта на Лексингтон-авеню.

— Кто с ним, доктор?

— Совершенно здоров. Никаких травм.

— Хорошо. Где он?

— Пошел на нас.

— Как информирован?

— Легкое сотрясение мозга. Успокаивающее и сон. Обещали штутон отправить домой.

— Не выйдет. Утром уживит два три дня. Пошлём ему рентгена.

— Да?

— Мне не до смеха, доктор. Париров?

— Ни минуты. Приблизитесь. Стюарт. Проснит сутки — позвонит. Потом симулятор.

— Шаукратнее. Шефу нужна только отсрочка.

— Сделает. Леge артис.

— Чью, что?

— Ленгтис. По всем правилам искусства. Шеф поймет.

Ночной междугородный вызов не поинял Иггер-Райта с востели. Илла за равницы по времени он не спал. Его назвала в кавычку «Финис», где дождливый проблемы его строния дома. Прибыли беспринципно уменьшались, и Треси поинял к телефону рассерженный.

— Он не спит в кавычке Стюарта, шеф, — отпарировал Треси Гордона. — Легкое сотрясение мозга. И в себе

— Кактус пречистой девой, шеф. Три дня обещано.

— Час назад мне сообщили, что наш фурагон промчался, как пыльца в тире. Старик тут же сощурился.

— А док был рядом. С машиной. Три доллара постовому — и старик в клинику. Все будет лече... лече...

— Лече argue, неважно. Латинские иероглифы надо знать наукой, чтоб тебе уважали. А за что тебе уважать, Фернандо? Будешь мыть стекла по пять долларов с фасада.

— Дешеве цените, шеф.

— Возмемши по три.

— Плюс тысяча. Час назад Бертин вылетел первым классом.

Трэси сразу повеселел, но не изменил тональности.

— Сколько вылет?

— Ни гента.

— На что вылетает?

— На ярмох. Я выложил рейсовый билет на стал и сказал, что мафино покойного Дженга есть и в Неполе. А вас, проф, говорю, ожидает молодая жена и два бамбино, которым, сами понимаете, жить да жить. Итальянец подумал и взял билет. Предварительно перешел отель, как было условлено. Никаких следов.

Через несколько минут другой международный телефонный звонок разбудил нью-йоркского адвоката Оливера Клайда, младшего партнера юридической фирмы Доуван и Клайд.

— Свэл, Олли?

— Я думаю. Третий час ночи.

— А у нас двенадцатый нет. Извини. Задача Совета завтра утром?

— Уже отложено.

— Из-за Брветера и Бертина?

— Вышла работа, шеф?

— Не надо быть слишком дотошным, сынок. Это вредно. Кого зведут в комиссию вместо вымышленых?

— Ваумгольды и Черрела.

— Мак-Керри не прибавит?

— Вместо него завтра утром, вернее уже сегодня, прибывает Телиски.

— Северно.

— Русский хуже.

— Устраняй русского безослепно. Пришлю доклад. Есть свежая заметка в Координационный комитет Вайера?

— Один к десяти.

— Осомь плохо.

— А какой смысла? Все равно у них правдо нето.

— Пройдет?

— Наверняка.

Цепкая телефонная реакция утромающе развивалась. Два международных вызова один за другим.

— Кто рядом, Триси?

— Никого.

— Я слышу голоса.

— В соседней комнате играют в покер. Я отошел.

— Закрой дверь плотнее.

— Наверняка.

— Микрофонов нет?

— Кому нужен Триси, игрок и сводник? — Сейчас осм нужен мне. Есть бомбы у нас на складе?

— Пластиковые? Сколько угодно.

— Не подойдет. Ядерных не достанешь, а скажем, тротилловые.

— Ого!

Триси — ступил. Все достоянчик, чтобы уничтожить риф, айберг, склад у масштабе сто на сто. Объект должен быть доставлен послезавтра до рассвета в наш апар в Сан-Диего.

— Рудя в курсе?

— Не задавай лишних вопросов.

Через час пилот спортивного самолета Руди Мардок достал Игер-Райта в Санта-Барбара. Выходя к поджидавшему его роскошному своей старомодности автомобилю, Трэси сказал пилоту: — Завтра рейсов не будет. Поешь в Сан-Диего и подготовишь к полету «Локхид». Подождишь Триси в баре или в бильярдной. Прием от него проговорю с начальной. Что дальше, как, когда и зачем, узнаешь на месте.

Цепкая реакция продолжалась. Дома Трэси ждал Вилер.

— К вам труднее прийти, чем в Белый дом и президенту. Охрана проверяла меня по отеческим нападкам.

— Трудно жить в Америке, сынок. Вот переду в Европу, поближе к Афинам или куплю островок в Средиземном море.

— Вы б ослепли, купили другой островок. Только судьба его ремена.

— Пока еще нет. Заседание отложено. Превит в больнице. Бертин без объяснения причин бежал в Неапол.

— Найду друзей.

— Рудя наивен. Есть предложение: Чашпа вместо Бертера, Ваумголд вместо Бертина.

Вилер не позволил себе даже улыбки. Он только спросил:

— Кто противопоставит они настоящим ученым? Никаких шансов в Совете Безопасности.

— А на Генеральной Ассамблее?

— Никаких шансов в ООН вообще. Селеста вылетит завтра — это тайна. И еще неизвестно, на чей стороне будет Селеста. Можно вылететь островом, но нельзя принудить связанный с ним феномен к контактам.

— Ты прав, сынок. Что ни шаг, то болото. Легче нам было жить без Селесты?

Цепкая реакция закаливалась. Еще один международный вызов.

— Откуда, Триси?

— Из Сан-Диего, шеф. Груз доставлен.

Никаких объяснений?

— Так, как в церкви. Триси Вилер пын.

— Приведи его в чувство, и ни капли виски до завтра. Вылет из Сан-Диего обеспечен без инцидентов. Посадку в Норфолке обеспечит сам Рудя Мардок. Это в его интересах: парокм начнен не вареными яблоками. Вылет из Норфолка Уинтер берет на себя, а тамозаж я позвоно сам.

— Нужна карта?

Зачем? Место Рудя знает. Он уже летал на разведку с ближайших островов. Говорит, что запитное поле выключается на высоте одной-двух миль при подходе рейсовых к Гамилгюту.

Есть шанс, не сбрасывая груз, спланировать прямо на риф с большой высоты и катапультироваться. Патрульный катер подберет, а о дальнейшем я позабочусь. Надеюсь, пилот не подведет?

— Триси? Смешно. Но говорар, шеф...

— Тебе в тройном размере, Руди — в десятикратном.

Реакция подошла к критической точке. Трэси пропелся по комнате, стараясь не думать о предстоящей аядии. Он пробовал даже почитать изобретательный аппарат селектора не принимает рассеянных, нестабильных миль. Селеста мог не заметить заданного Игер-Райтом, как не заметила семейный свой удачный брак и служебных конфликтов. А вдруг заметит? Трэси осознавал, что надеется на случайность. Провратись самолет на максимальной скорости, не работает защита, полетит к черту риф. Если верит, берет крупно, но инстинкт стои рядом. Единственно, что его останавливало, — это телефонный аппарат, скрытый в замаскированном стеном сейфе. По этому телефону Трэси никто не звонил, зноила в себя, что не часасует.

— И в условиях строгой секретности, повторя язва, пока не отключится трубка. На этот раз она отключилась сразу:

— Я знаю все, что вы мне скажете.

Трэси отгнетил себя без преувели:

— Кто-нибудь возвращает?

— Не возвращает, но и не одобряет. Во всяком случае, не прямо. Акция пойдет целиком под вашу ответственность.

— Я не вижу возможности использовать его в этих условиях.

— Есть мнения, что научный прогресс всегда можно направить по надлежащему руслу.

— В легальных условиях?

— Совет Безопасности пока нам не мешает.

— Если эксперимент удался, вас не осудят. Если нет, — не поддержат.

Трубка шелкнула и умолкла. Трэси запер сейф и задумался. Не поддерживает. Значит, в случае неудачи — скалды. Придется не бидеся Селесты, а может быть, и африканские рудники. Потери будут неслыханы в семизначных цифрах. И все-таки это еще не разорение. Селеста угрожает стать ослепшим, и Трэси лучше будет жить, чем потерять Игер-Райта и миллиарды долларов и Джинно, стоившего десятки тысяч. Но даже миллионы можно будет воспринять. Нельзя было воспринять только потерю этого времени, а в его годы оно с каждым днем становилось дороже.

И Трэси начал думать.

Руди Мардок, личный пилот Игер-Райта, был не только спортсменом в жизни, он был спортсменом в душе. Задача, предложенная шефом, его не смущала. К судьбе Селесты и Бертера, ввиду равнодушия, никаких угрозений он не испытывал. Но ввиду того, что Селеста мог бы пережить комический разум, нанесла удар прежде, чем тот успевал включить свою невидимую защиту.

Одно его смущало: он не хотел человеческой жертв.

— Их и не будет, — уверил его Триси. — Все работы на острове прекращены. Сняты даже радиожурна.

— Но Институт уже построен.

— Где? В столице, а не на коралловом пятчке. И потом судьба его еще не решена. По распоряжению Совета запрещены пока все не контролируемые контакты с Селестой.

— Откуда ты знаешь?

— Я еще утром говорил по телефону с Корнхиллом. Это начальник местной полиции, бакирированной, кстати говоря, все морские подходы к рифу. Но я не в блокпосте, а не в стране. Меня больше пугает посадка в Норфолке и блокада таможенников.

— Но влетно-посадочная зона норфолкского аэродрома находится на удалении миль двадцати без аэронавта. Руди никогда самолет играти, даже не почканув грузового отсека. Встретивший Руди неопределенного возраста человек в форме гражданской воздушной администрации брал пилота хорошо знаком.

Он и был Уинтер, от которого зависело выполнение всех необходимых формальностей, связанных с дальнейшим полетом. Да кто и зачем мог ему воспротивиться? Самолет Руди был известен на всех крупнейших рейсах аэродромов Америки, имя его хозяина тоже. Ватаж Игер-Райта никогда не документировался, выезды язва ему не требовались.

Возможные же основания для беспокойства не предусматривали, лично сообщая таможенникам чиновником аэропорта, что самолет его следует на Вермуды с грузом хрупких приборов для Института «Селеста-7000» в Гамилгют.

Вспомнив о том, что в случае чего Руди является достоянчиком законности перевозки.

Но Трэси не учел существования Интерригольдо и несогласия инспектора Подериоли.

— Испытания полетом, как вы не забудете, О'Лрири возмущался халатной доверчивости таможенников. Какое ему, О'Лрири, дело до того, кто хозяин самолета — Рокфеллер или Игер-Райт? Он не хозяин.

Чем-нибудь банк или уравнилов рудников. Кто и чем может доказать ему, что в шпике не ампулы с «Ильдэз» или геронимом? И когда реактивный «Локхид» Трэси под именем «Кондор» уже готовился к старту, на место преступлений прибыл на мотоцикле инспектор О'Лрири.

— Отставить полет! — объявил он без предупреждения. — Я требую вскрытия ящика. Кто чаше самлет?

Руди Мардок не спеша подошел к говорившим.

— Я пилот самолета.

Руди молча разрешил самолет не подниматься в воздух.

Руди молча оглулился — поблиости, кроме них, никого не было — и так же молча объявлял своим платком ладонь левой руки и перекидывая голову на правую.

Возвук инспектора в честьность. Руди был спортсменом не только в душе, он был им в жизни.

— Кто хрупнул, инспектор инкура и, как меник, плюхнулся на землю. Руди заболитово снял платок с пальцев.

— Чистый локнут, — сказал Уинтер. — Счита не открывай. Болетай.

Направление — Вермуды. Владдед — Игер-Райт, пилот — Мардок. На борту самолета тысяча-четырехсотый ящик с ядильно «Осторожно, не открывать» до ступеней самолета — приземлился Института «Селеста-7000». Руди не документировался. При попытке достроить пилот объявал

сопротивления, применяя силу. Подвержено потравлению и применение пемидина. Остатки после посадки в Гампльонге, О'Лири.

— Кто это О'Лири? — спросил Смайл.

— Инспектор Интерна. Очевидно, Уинтер облетел на фантине, обеспечив самолету заезную ямушку.

— А кто это Уинтер?

— Человек Игер-Райта в Норфолке. Ты что-нибудь знаешь об этих приборах?

— Я знаю, что в авиационном лабораторном оборудовании в Америке. В Европе оно дешевле. Да и какие приборы можно купить у Триси, кроме игральные карт или фишек?

— Душень, ты снова угроза? — насторожился Корнхилл.

— А почему бы нет? Триси — умный человек. На борту самолета, кроме пилота, только этот тысячелетний злишка. А кто в фишке? Ясно, что не дескал. Приземление на острове исключается: не позволяет защита, да и островок маловат. Посадка на воду тоже: реактивный «Локки» не гидронав. Значит, злишка предположительно сбросит. Зачем? Отправит воду? Безусловно. Воздух? Может быть, есть какой-нибудь газ — опасный для Невидимки?

— Где Шлагин?

— На острове.

— Минуту спусти Шлагин ответил:

— Что случилось?

Смайл объяснил. Шлагин потребовал прорваться к терминалу, выслушал собрание Корнхилла и попытку вмешательства на радио: «После серьезной, сразу не разгадаешь». Думал он и треска в последние минуты, но стараясь от итерации Корнхиллу и Смайл показавшись, что пришла добрая четверть часа.

— Никакой газ Селеста не страшен, — ответил Шлагин. — Да и злишка тоже, что бы в нем ни было. Угроз его падения изменит защитное поле.

— А где риф? — спросил Смайл. — Достаточно ли мощно защитное поле, чтобы погасить реактивный самолет в вине?

— Шлагин опять замолчал.

— Ну что ж, — тотчас откликнулся он. — Достаточно, — что мощность поля окажется недостаточной, а в фишке бомба или взрывчатка, способная взорвать разности Вельч острова. По следствия мне несены. Селеста знает титановую кислоту, она одна может захватить ее местожительство в земной биофере, что и произойдет, когда этой массы не будет, предугадать трудно. Лучшее свое спросту у Селесты.

— Селеста может не сразу откликнуться, а сейчас она прибавляет к угрожающей быстротой. Что бы ни случилось, рисковать глупо. Сидите в лодку и отъезжайте на приличное расстояние, — предложил Корнхилл.

Шлагин помолчал и снова откликнулся: «Я не покину остров, не переговорю с Селестой. Может быть, у него нет информации о самолете и его грузе. Может быть, Игер-Райт так провоз операцию, что она не оставила стабильности в следствии. Селеста, возможно, тоже, нечестно оставлять злишка в опасности.

— Не глуми, См., — горчала Смайл. — Селеста не человек.

— Какая разнища? Он друг.

— Не см ты поможешь, если не работает защита?

— Смогу предупредить.

— Защита запрограммирована и действует автоматически, — вмешался Корнхилл. — Даже Селеста не оценит твою доживаться.

Аппарат замолчал.

— Пенки! — в сердцах сказал Смайл.

— Нет, — вздохнул Корнхилл, — просто мы с вами, Боб, еще плохо знаем русских.

А русский в эту минуту, оставив переговоры, вышел на пенинги, сняв сак сахарно-белого рифа и, не увидев в небе злишка, кроме своей бездонности, мысленно возвал:

— Ты слышишь меня, Селеста?

— Слышу, — привычно откликнулся в сознании.

— Все знаем о самолете?

— Многие. Также диспетчеры в Сан-Диего и Норфолке. Таможенин протоколы. Риф и терракора. На сканировании. Документация на оформление контейнера. Оформлен, как сжиженный газ «И-далью» на химических заводах Хорнштайна. В наступшую минуту самолет приближается к острову. Информацию пилота не принимаю, не ставляю.

— Насколько велика отражающая мощность твоего защитного поля?

— Не знаю.

— Если самолет снизится прямо на риф, сможешь ли ты погасить его скорость или изменить направление полета?

— Не знаю. Не было опыта.

— Но ты можешь увеличить параметры поля?

— Конечно.

— Самолет может пикировать на максимальной скорости. Учи.

— Учи.

— Если вопрос, Если бы не выдержала защита и урва излучения остров, что случится с твоей биосферой?

— Не знаю.

Шлагин не продолжал, потому что Селеста уже отключился. Теперь Шлагин мог сойти вниз и проверить, насколько реально защитное поле. Но подкачивал, словно к отплате от нетерпения: он тихо, скорей, скорей же! Несколько плавов вина, несколько оборотов мотора, и хэттерок, как потенциальная опасность авер, будет уходить все дальше и дальше. Но Шлагин не дигалась: что-то удерживало его. Мальчишеское любопытство, которое заставляет ребит на дересенном пожаре приглядываться к огню, или, может быть, инстинктивная привязанность к Невидимке, в котором хотелось приобрести друга: как же уйти, если друг в опасности. А чем помочь он, Шлагин, если летитесь килограммов пролила все же прорвет защиту? Только исчезнуть вместе с коралловым крошечком в океанской воронке веревка. Шлагин даже усмехнулся в ответ на типичные признаки ума: он уже знал, что останется. Вероятно, уже нехотел улетать, может быть, минуту, но больше. Самолет реактивный, летит на большой скорости. Вот-вот покажется.

С таким же нетерпением следил за небом и с борта военного катера, с другой стороны подходящего к острову. Катер еще не достиг границы островов, где действовало защитное поле, но белый корабль рифа был уже и виден в сильный бинокль. Разумеется, катер не нес никаких авиационных средств учета и журналистов, но многие из них, предупрежденные Смайл, все же успели захватить местечко на ялуде. Только Янина не находила места. Хотя воздух был прозрачен и проселен отрывками от брызгам, ей казалась, что нечем дышать. «Мордох, Яна, — сказал ей Смайл, — Самми не Дон-Кихот, зря рисковать не будет. Значит, все ясно: не страшно». Конечно, не страшно, но уверен в защите. А если не удалось связаться с Селестой? Ведь летось килограммов взрывчатка! Янина торопило металась от борта к борту, невпопад отвечая на вопросы, не вмешиваясь в разговоры, не отвлекаясь на вопросы, — Почему он на острове? Не было лодки? Так могли слететь вертолет. «Не захотел. Должно быть, надется на защитное поле. Если выключит — знаменитость!» «Он и так знаменитость». «А если Селеста не выдержит, и бы русских вообще отстранили от контактов. Уменьшко, осторожнее, но дальше, дальше...» Янина шла мимо, стараясь не видеть говоривших. А реплика предшествовала, но не новизны, — то равнодушно-иничные. Янина хотелась захватить улет, но хватало Аидре. Смайл стоял у борта, не отрывая глаз от бинокля.

— Ничего не видно, Боб?

— Не вижу, Яна.

— Кто-то крикнул радио?

— Выку!

— Где-же?

— Сирена по горизонту. Вон, видите?

На голубой калде инна появилась черная точка. Она медленно дигалась, оставляя след белый след. След идущего на большой скорости реактивного самолета был виден уже без бинокля. Но голубой калде инна, впрочем, не отвлекаясь на шумную, то равнодушно-иничные. Янина хотелась захватить улет, но хватало Аидре. Смайл стоял у борта, не отрывая глаз от бинокля.

Дуги Мардох об этом и не думал. Его примитивный организованный мозг не знал импульсов, определяющих сильность к философичности.

Он мысленно писал и ясно: деструктивный гоноратор спотыкнулся на неведомых злишках, нообщие пилота и оборудован бор ялудка как кораблю-небуду аэропорта. Связи у Руди есть, злятки будут неведки, но у организации дела чего-то еще останется по ялуде. Бизнесмен в дуге доложил спортивную Руди, что на рифе не так-то, как игрок, подгадывший карты партнера.

Конечно, он волновался, но мог не волноваться, и, когда в воздухе появились злишки, место протекли, губовка индоху и, и уши не слышная больше, не сумевшая, бросил машину с шестимильной высоты вина. Белый корабль приближался, вернее, вырвался с каждой секундой. Целый ряд злишек, широким, как катапультировался, но не включил защитное поле. Сейчас он будет вылететь вверх и поинтеет на парашютных стропках над фонтаном огня и коралловым островом.

Но что это? Наская рывок выфонтон — и никакого эффекта. Еще раз нажал. Еще. Должно быть, механикам катапультированы испорчен. Значит, копец. Руди вздрал глаза и снова оторвал их. Самолет как был повис в воздухе, и уши не слышная привычного рева двигателя. Странная глупая тишина и неподвижность. Без толчка, без сотрясения невидимые крещи подхватили машину и зажали ее где-то между морем и небом.

Весь этот авадки и с борта приближались катера. Разговоры сменились глубоким молчанием: Селеста протодвигала угрозу. Техническая оснащенность Невидимки оказалась достаточной, чтобы отбить, казалось, неустойчивый удар. Без локаторов и ракет. Каких усилий это стоило информану, никто не знал. Но ни на воде, ни в воздухе ничего не произошло. Ни табушка ни чуланы.

Молча ждали люди, наблюдая за самолетом, медленной спиралью скользящим к воде. «Уточте, — сказала кто-то: «Кто, летчик?» — спросил Смайл. — Почему вы не вылетели на воду, а на волнах самолет: казало, он прибор летел, как спущенный на воду пилот.

Но Мордох не разделял этого убеждения. Он вытиснил наддувную воду из кабины, вылез с ней на пенинги, пошел к терминалу, потянул за воду, и упустился в плавание, отталкиваясь кораллом, похожим на большую теннисную ракетку. Он шилк в острове, а самолет погружался в воду.

На острове Шлагин помог выбраться на берег недогущему Руди Мардоху.

— Сколько выст — задыхался, спросил он.

— Где? — не понял Шлагин.

— Где?

— Я один.

— Подонок, — сказал Руди.

Шлагин даже растерялся.

— Кто?

— Шеф. Он уверил меня, что на острове не будет ни одного человека.

— Плавь, — сказал Шлагин. — Ни один клон в мире не будет иметь твоего автра, как твой шиф. Хотел бы посмотреть на него, когда он откратит завтра утренние газеты.

Не эмлог, а пролог

Это не ошибка. Они соборались не доплатить эмлогу, а начать пролог.

Света не зашла в субгородском курортном отеле в это предсмертное время было еще светло. Как обычно, здесь шли все со льдом, кто послабее, кто покрепче. Вревер, уже оправившийся после болезни, обещал következ.

Впрочем, и болелки не было. Просту отлучил ядуг в незнакомой болячьей лодке и узнал, что проспал три суток после легкого сгоржения меду, прошла соответствующая медицинская процедура, теперь может вернуться домой: лечение оплачено. Ком? Незнакомым льдом, не пожелаем назвать своего имени. Спорыш продвигался. У подьяки ожидал его собственная жена, тем же неизвестным льдом: лишь постое аварки. Ком? Оказалось, все тем же неизвестным льдом.

— Аварка для злишкина, — сказала Смайл. — Аварка была школьником, сплывавшим в существовала все тем же неизвестным льдом: крайне заинтересованным, чтобы ни, ни позиция не подымали шума.

— Зачем?

— Чтобы легонько вывести нас со строк и тем самым оторчить заседание Совета Безопасности.

— Для чего?

Чтобы избежать открытия нашего Института. Треси знал, что от открытия шестер необходимо — он не мог предположить индивидуальной выставки Шпагина. Он шел в бой с открытым забралом, не боясь последней в своей жизни удали. Ведь он учил Треси, а Треси — не людей.

Растет верность, — сказал Барнс, — ни один американский суд не осудил бы его за уничтожение феномена. Это не собственности, но явное существование, не зависящее от собственности. Вдобавок умно подобранная адвокатура, соответствующая кампания в печати, и мультимедийлер Иер-Райт выходит из зала суда в лапавном виде благодетеля человечества. Но Бренер недоволен.

— А побудительные причины? Неужели тщеславие нового Герострата или просто месть за неудачный брак?

И то и другое в достоянии стени. Но это же право. Треси понял, что не сможет исполнить Селесту в своих интересах. Как показал налет, они не всегда находятся в соответствии с уголовным законодательством, и любая информация о них могла стать его силой. А Треси — старый шпарт, своего рода анахронизм, пережиток эпохи первоначального накопления. Чем он отличается от первых Морганов? Ничем. Только хватка еще крепче и откровеннее.

— Побуждая меня к этому пойдешь к социологии, — nodded релянку Мак-Керри и поразмыслил, добавил: — А, пожалуй, на социологию и споткнется. Мы уже убеждены, что Селеста — система, способная к саморазвитию. Но как будет обучаться? чему обучаться? если у педагогического персонала — я говорю о Координационном комитете — нет политического единимыслия или, что еще важнее, единомыслия во взглядах на социальное устройство мира. Какую идеологию усвоит Селеста, как личность, а он ставит личность в итоге информативных контактов, и какая правда будет его правдой, или так и не знает. Прогноз неясен. В Рослова, Рослова дана, и Баумгольц другая. И даже науки мы видим по-разному: один — подчиненный требованиям высокой морали, другие — свободной от всяких моральных припринтов.

Вызов Мак-Керри не сразу был принят. В гостиной у Яны и Рослова собрался в этот вечер все друзья Селесты, старые знакомцы и участники первых контактов. Слова Мак-Керри, обращенные к ним лично, открыли в Институте новую внутреннюю прелеву ученого: нет единомыслия — нет и единности, а единности — это баа контактов. Тревога заразительна, и заигнорированные молчаливо точнее же подтвердили это. Рослов и Шпиган в первую очередь нуждаются на исеность, — сказал взгляд Шпагина. — Обруши же на головы усомнившихся.

И Рослов обрушился: — Споткнется ли мы на социологию? Не думаю. Многие верят, спотыкаются, что отвлеченно-кинематичная мысль Селесты не способна схватить всей полноты жизни, что мысль эта неизбежно ставит жертвой противоречивой и неизмеримо полнейшей информации. Не исключено, что мышление Селесты — изборающееся. Она дана, запрограммирована. В процессе самобучения будет непременно усложняться и совершенствоваться, как, скажем, понимание позиции у расступающего шахматиста. Но в процессе саморазвития и в этом сопоставлении искать решение. Без нашей подсказки оно может сложить опыт двух мировых войн и увидеть главную: человекоцентристическую суть бытия. А вы боитесь, что он не найдет правды: она доступна любому интеллекту, достижима необходимостью для этого социально-исторической зрелости.

— Вы уверены, что Селеста достигнет? — спросил кто-то.

На него заглянули. Кто может знать? Только завтра с утра начнется большой разговор с Селестой, и уж, во всяком случае, не нынешнее и не последующее поколение разговор этой заочницы. Да и выходит ли? Селеста достигнет только детство? Суорове, почти торжественное молчание погасило вопросы, споры, возгласы, и только Крайнов решился его нарушить. Единственный журналист приглашенный Рословым с условием помолчать после беседы в гостиной, он не захотел молчать во время нее.

— Я в уверен, — сказал он, — и только признаюсь и пишу по заданию редакции. Как перестанут судить нас австралийский деп в области изучения... ну, допустим, истории?

— А вы сами не можете догадаться, молодой человек? — как всегда безразлично спрашивая, только, откликнулся Барнс. Подумайте хоро-

шенько. Любое историческое событие можно будет воскресить и любую историческую справку получить, не выходя из переговорной. Свою историю, надеюсь, любите? Так хотелось бы нам лучше присутствовать, например, на заседании кабинета или на дачу Пушкина? Вы, а я, как историк, мечтаю о подробностях битвы при Гаттисинге или в отроче с Робин Гудом в Шервудском лесу. Скажете, залов? Едемте в Лондон. И да, фургончики, — добавил Рослов. — Они смогут увидеть свои мысленные модели будущего. Селеста покажет вычисленный им же самим оптимальный вероятностный вариант. Безусловно, как сказал Барнс, заловы это. Крайнов, или спрос у Смайлн, хочется ли ему, скажем, увидеть наш аэромордорк при Институте этак лет через двадцать? Пройтись по его улочкам, подходить к синагогам и оштрафовать их? Не удивляйтесь, а вотать список вопросов к Селесте. Не прогадаете.

Рослов хотел было еще добавить о том, как захватывало интересно хотя бы на несколько минут стать Селестой, как он был им, что ощущал и умал и что он сделал. Но тут Янина принесла кофе, и ему сразу расхотелось открывничать. Стоит ли? Дома он скажет тем, кому это интересно и важно; может быть, еще успеет повторить эти опыты самовоспитания. Но в будущем, если возникнут обстоятельства, требующие такого опыта. А сейчас что даст это открытие присутствующим? Может быть, только беспорядочные мысли о квантовой физике, о русских к феномену. Реакционные голоса во всех странах давно уже кричат об этой, их пугающей блазости. Рослов внутренне усмехнулся: а ведь заглянув в будущее, люди отдались бы осмысленности советской науки отменив загадку феномена, именно они вытравили бой за контакты.

Пауза опять затянулась. Люди размыслили, прикидывали, может быть, мечтал о будущем. Только Бренер допна кофе спросил аналитичеки.

— Кто умеет гадать на кофейной гуще? Что может дать Селеста мне, математику?

Все посмотрели на Мак-Керри, потом на Рослова. Но парировать не спешили. — Интересует меня, между прочим, математическое выражение некоторых положений биологии, в частности уравнения, которые приходят интегрированы, исследуя самообучающиеся биосистемы. Это уже тогда затеялась эта авантюриная авантюра, я был один на острове: хотелось поспорить с Селестой собранные материалы. За десять минут я буквально заложил от информативности. Селеста не могла дать современную математику, такие работы, о которых я и понятия не имел, причем лучшими оказались неизобучивающиеся, существующие, так сказать, лишь в проекции будущего. В Саратове, например, дипломник Масович, фактически еще студент, в своей только что законченной дипломной работе, еще неизвестной даже его куратору, выдал такой каскад математических новизн, какой можно сравнить только с детскими выдумками Эвариста Галуа. И почти одновременно учитель математики в Сан-Паулу, некто Гельвальд, закончил работу по математизации мышления, о которой скоро заговорит кир-А.

Вы, профессор, не могли бы задать это Селесте? Вам знаком термин «могловая яма»? Когда одновременно не один и не два, а десятки умов вкладывают в поиск путей интеграции научного творчества? В последние дни эти десятки умов, предостоят сотни, тысячи в едином, а бы сказал, творческом озарении. По сути дела, это начало новой научной методологии, гигантский скачок по сравнению с традиционными методами. Янина раздвинула шторы на окнах и зажмурилась. В глаза ударила не чернота и не синева, а розовое свечение неба. Начинная рассвет.

Все поднялись, как по команде. Молча, почти радостно, но с охватом от ожидания, и с чувством немного времени отстало до дерзновения торжественного открытия самого удивительного научного института в мире. Выйти на улицу, может быть, спуститься к лабораториям и начать биржевую спекуляцию? Или, напротив, океанской волне, может быть, просто стоять и смотреть, как синее дозолоченная палитра моря и неба.

Рослов подхватил Крайнова под руку, толкнул его в открытую шенку: — Ничего пока нет в эфир, ни в печати.

— Жаль, — сказала Крайнов, — это был великий, достойный открытия.

Но и тогда не было пролог, — поправил Рослов. — Пролог к началу нового века в науке.

В очерке А. Рабинович «Дельфин ищет «Дельфона»» описаны события в первой сессии индустриальных комсомольцев-авантюстов, разыскивающих шхуну «Дельфин», которая во время войны затонула западнее Очанова. На борту шхуны находилась группа 1-го гвардейского украинского, зная части и сейс с неотвратимыми наградами листами на 12 неизвестных. Но удивительно, что командиром морского десанта под командованием старшего лейтенанта К. Ольшанского.

С тех пор прошло больше года. За это время индустриальный завод клуб подводных исследований «Садко», организовали несколько интересных походов: прошли на своем десятипонтонном барже по Очановскому участку боевых действий 2-й гвардейской бригады торпедных катеров, помогали студентам, строящим памятник революционеру П. П. Шимидзу на острове Змеинский, совершили экспедицию многодневный поход на остров Змеинский (Фидониси), опускаясь на затонувший немецкий транспорт «Зальцбург» под Одессой и в Туркис «Байкал» под Очановом. И, конечно, продолжили поиски «Дельфина».

В результате подводного обследования вероятности (по всем данным) района гибели шхуны сократился с 4,5 квадратного километра до 250 квадратных метров.

В этом году члены клуба «Садко» Анатолий Устюжанин работал в одном из военных архивов. Разбирая приказы, распоряжения, донесения и оперативные сводки 1-го гвардейского украинского и 28-й армии, он нашел некоторые документы, относящиеся к индустриальному морскому десанту и гибели шхуны.

Вот первое донесение о гибели «Дельфина»: «6 апреля 1944 года при переезде штаба 1-го гв. Ур. из села Кудуров в село Андрияна на Черном море в районе села Блужинский Бейкуш катер исчез на мнута».

Дальше идет опись документов управления 1-го гвардейского украинского, пропавших при катастрофе. В описи говорится о шхуне. Размер его был 70 X 50 X 35 сантиметров. Небольшой стальной герметический ящик.

еще один документ: «В 18.00 6.04.44 «Дельфин» отчалил с восточной пристани Очанова в море на Андрияна. В 19.00 6.04.44 в 6 км западнее Очанова в море обнаружены члены «Дельфина» в состоянии невпадения, а из района Ново-Викторовского мая начальник разведотдела Ур.А наблюдал, как взорвался и затонул катер «Дельфин»».

К сожалению, место гибели судна, которое затонуло на глазах у многих, не было отмечено на морской карте района. Это затрунило поиски. По просьбе командования «Садко» редакция «Смены» обратилась за помощью к командованию Краснознаменного Черноморского флота. Первым заместителем командующего флота являлся КИЧФ контр-адмирал А. Першин сообщил в «Смену», что отданы все необходимые распоряжения об организации деятельности индустриальных комсомольцев.

Итак, поиски «Дельфина» продолжаются. Недавно члены клуба «Садко» построили плоскоку-катамаран с подводным инертным аккумулятором. Индустриальцы назвали свое новое поисковое судно «Крабо» — в честь первого в мире подводного инертного аккумулятора инертного аккумулятора на местных корабельных верфях.

О вечности не говори.
Пока способен жить, трудиться.
Пока заря в окне горит,
Пока в садах не молкнут птицы.

Пусть будет так же адалд бежать
Веселой летнею порою
Ручьи бесшумный под горою
И травками шуршать межа.

Мне быть матерной простой,
Как глины комья в огороде.
Пока не стану я тобой,
Как ты, спокоев, плодороден.

Я и леса, я и поля —
Ничто с тобою не случится,
Я — Человек,
А ты — Земля.

Пусть и тебе спокойно спится.

Нак солнце дорогу осветит,
Отгуляет в ночи соловья...
И снова вырвет ветер
Размытые колес.

И выплывает плавно и странно
Степной неоглядный простор,
На тысячу верст Казахстана —
Одни полunoчные костер.

Развесим одождю, как дома,
И будем до света молчать.
И будет тепло и знакомо
Обгубенный чайник урчать.

Закружит нас степь, укачает,
И снова услышим во сне,
Как огненным черным чаем
Под нами волнуется нефть.

Берега, что одна стонт
У ладно срубленной беседы,
В тиши лесной навеки хранит
Две мои оставленные метки.

Еа долго, долго сторожить
Приснастие свое лесное.
И надо же весь век прожить,
Где пахнет медом и сосною.

А мне
Нужны в цвету поля
И труд, который жизнь ижогит.
И та прекрасная земля,
Которую люблю я томе.

А ты распустишь веток лян
И зашуршит многоголосно...
Мы, в обиде, правильно живем —
Я, человек,
И ты, береза.

И будут сини небеса,
Покуда жизнь раскинут строго:
Тебя — залетная гроза,
Меня — последняя дорога.

Евгений АНТОШКИН

МОНУМЕНТ У ЗАЙЦЕВОЙ ГОРЫ

Зайцева гора по вечерам
Заревом и грохотом пугала...
Говорил солдат сквозь боль: «Вчера
Наших полегло под ней немало».

Говорит солдат, что целый день
Шли на них врагов немые цепи —
Все они лежат на высоте.
И в жару последним боем бредил.

Говорит, что раны вновь болят,
И уснуть мучительно старался.
Только, если ухала земля,
Он в тревоге снова прсыпался.

И сорваться с койки был готов,
Чтоб пойти в атаку ножевую.

Говорил: «Там друг мой — Глеб
Петров!» —
И проснулся на передовую.

И лошади не суля аругу,
Он ушел в метель, готовый к бою.
Обещал, прощаясь: «Забегу,
Только расквитаюсь с немчурой!»

Лютый снег кружился в том году,
И казалось, не дожить до лета...
Там, где шли бои за высоту,
Ветер вновь гудит у монумента.

Луг в цвету, травой заросший ров —
По краям огнем пылает маки,
Где, спасая друга, Глеб Петров
Бросился под танковые траки.

И снова ты, память,
Коплудеш у гора.
Рысая тонконогой
Боишься воды.
И стадо, идущее утром к восходу,
На росной траве оставляет следы.

А помню,
Когда-то вставал сподранку
И слышал подполковника зван на заре.
И шел на поля с молодыми
крестьянками,
И плелся усталый домой по жаре.

О кони,
Куда вы теперь уснакали!
Ниучто не степи раскисстой и злей...
Все манят меня забытые дыны:
То взглядам любяной,
То дымкам полям.

На одном из упавших метеоритов
обнаружены следы органи-
ческой жизни... (Из газет)

А что такое есть метеорит!
Немой посланец, вымершей Вселенной
Или осколок взорванной Селены —
Боюсь, когда он вдруг заговорит.

И тайны нераскрытые открыт:
Что он литой обломок корабля,
Что где-то там,
Обрызганная кровью,
Еще горит полночная зарья...

И, бросаю все,
Кому-то ичать навстречу,
И не часе, не стужи, а века
Искать тот мир затерянный
И вечный,
И ждать всю жизнь вестей издалека.

И звать,
Что жизнь —
Она в веках нетленна...

А что такое есть метеорит,
Когда он синими пламенем горит!
Когда он, словно дивный крик Вселенной,
В глаза у ночн огненной стит.

ИЗ ДЕТСТВА

Весь вечер птицы синие кричали.
В глазах рабыли зноиные колоски.
И кровь стучала в сонные виски,
И колоски твильные стучали,
Понукта птицы синие кричали,

И этот сон мне каждый вечер снится:
Я голоден, сжимаю зерен горсть,
И десны мне щечечок больно ест,

А я над колоском опять склонился,—
Одни и тот же сон до света
снится.

Хлопочет мать с утра уже по дому...
Проснись —
Во рту от едой пыли хруст,
И руки пахнут глиной и соломой,
И на губах ржаного хлеба вкус.

Надо мной небо выплыло синее,
Русый чуб мой стал пепельно-бел,
И над степью —
Ковыльная пустынью
Кружит беркут — степной самострел.

Над расплавленной заводью парит,
И в глаза только мутная пыль,
И, отчаявшись, в землю ударит,
И сохнет рикошетом ковыль.

И котейк онемевшие кольца
Ни в кого не вселят уже страх.
И, закрывшись ладонью от солнца,
Заклею его в ковыльях.

И простится предму на рассвете...
Как две серпы бесшумных стрелы,
Позабыв в поднебесье о смерти,
Проплывают величаво орлы.

Я с книгой поведу беседу
[Легко в ночи раскину течет].
И вновь предурдустные победы
Меня волнует и влечет.
Иду всю ночь по тайным тропам,
Отвергнув сумеречный страх.
Я сто дорог уже протоптал
С открытой книгой до утра.
И вот среди будков замшелых,
Среди крестов и тишины
Я вижу, как на банку белых
Жиз стаюк навазены.
И слышу комиссара слово —
Он в бой идет в последний раз.
И падает от пули.
И снова
Встает и — ненависть из глаз...
И мне становится вдруг душно.
Кричу в бреду:
«Буржуазная смелость!»
Мне вновь гореть,
Мне очень нужно
Той боель лить переболеть.

Рисунки Владимира БЛАНКМАНА

Из дневника гостя
на учредительном съезде
Союза молодых рабочих
за освобождение (США)

Молодежь

У американского писателя-коммуниста Майкла Голда есть памфлет под названием «Чикаго, кровавый город». Голд писал о Чикаго, чьи улицы были привычны к крови, проливаемой гангстерами и полицейскими, о Чикаго — городе великих классовых битв, городе жертв Хайнаржета и городе, где родился красный пролетарский Первомай.

Чикаго — место рождения Коммунистической партии США, которая была создана здесь 1 сентября 1919 года. А недавно в том же Чикаго состоялся учредительный конгресс марксистско-ленинской организации американской молодежи — Союза молодых рабочих за освобождение. Мне выпала большая честь представлять на этом съезде Ленинский комсомола, всю советскую молодежь. Но прежде чем рассказать об этой поездке, о встречах с американскими комсомольцами, я хотел бы предоставить слово им самим — пусть они скажут о своих убеждениях, о своей любви и ненависти. Я хочу напомнить выступление члена ЦК Союза молодых рабочих за освобождение Антонио Монтерю на XVI съезде ВЛКСМ: «Союз молодых рабочих за освобождение, представляющий главную движущую силу молодежи Соединенных Штатов, видит свою роль в том, чтобы добиться такого положения, когда рабочий класс сможет возглавить борьбу за освобождение, представляющую национальную нашу страны. По моему мнению, этот союз может стать в конечном счете самой значительной демократической и антиимпериалистической силой в Амери-

Уст — представлял в тридцатые годы американский комсомол в КИМЕ (кстати, скажу, что именно Джеймс Уст, который сейчас является секретарем чикагской организации Компартии США, был первым американским коммунистом, с которым я встретился, приехав теперь в Америку).

Союз коммунистической молодежи Америки действительно, чем Компартия США, пострадал от предательства правых уклонистов и ренегатов во главе с Эрлом Броувером, которые, как известно, после войны добились роспуска партии. Примерно через год Компартия США была восстановлена, но комсомольская работа с тех пор велась лишь через ее молодежные секции.

В последнее время назрел вопрос о воссоздания американского комсомола. Молодые коммунисты вели упорную работу и добились значительного влияния в различных прогрессивных организациях. Точным приложением их сил были, в частности, хорошо известные «клубы Дьюбуа». Достаточно сказать, что нынешний национальный председатель Союза молодых рабочих за освобождение Дюварис Тайнер был и председателем всеамериканской ассоциации «клубов Дьюбуа».

Короче, идея, как говорится, витала в воздухе. Именно поэтому в резолюциях XIX съезда Коммунистической партии США (май 1969 года) был записан пункт о создании организации американской рабочей молодежи.

...ИП-62 приземлился в нью-йоркском аэропорту Кеннеди. Вместе с другими пассажирами бреду по нескончавшимся коридорам мимо велики-

Вашингтонские встречи

ке... Поэтому... мы обвиняем правительство Соединенных Штатов в политике расизма и геноцида, которую оно проводит против американских негров вообще и «Черных пантер» в частности. Мы обвиняем правительство Никсона — Агню в убийствах, так как это правительство создало политический и идеологически отравленную атмосферу, что привело к массовым расправам над молодыми американцами.

Мы обвиняем администрацию Никсона — Агню в эскалации войны во Вьетнаме и империалистических зверских убийствах граждан Лосос, Камбоджи и Вьетнама.

Находясь в штабелях империализма, мы видим свой долг в том, чтобы бороться против угрозы фашизма, за мир и демократию.

Этот боевой союз, созданный 7—9 февраля 1970 года, стал наследником славных традиций Союза коммунистической молодежи Америки.

Созданный в 1922 году, союз вскоре уже наметивший в своих рядах 30 тысяч человек и играл заметную роль в рабочем движении США, Союз вошел в Коммунистический Интернационал Молодежи, а один из его руководителей — Джеймс

официальных объявлений «Ивините за беспорядок, вызванное ремонтом» и тоже письменно, весьма вольных комментариев к ним. Пограничный контроль, «Сдают паспорт, и я сяду...» Мгновенная сортировка на «чистых» и «чистых»: вручают папки разного цвета, зеленую — проезд без таможенного досмотра, желто-серую — таможенник плос выписывает против злых заболеваний, красная — сами понимаете, небольшой криминал. Впрочем, набралась целая толпа с этими красными папками. И началось долгая, не меньше чем на час, таможенная твучка. Бдительный страж с дружелюбным выражением лица запускал обе руки в мою сумку, довольно интересовался насчет ее содержимого, но в конце концов отпустил с миром.

Потом стала же долго и, казалось, без всякой надежды на успех я объяснялся с одной пожилой леди, которая была представительницей нужной мне туристической фирмы. Дама говорила по-английски с явным русским акцентом, а затем, призвав во мне соотечественника, перешла на русский с явным английским произношением.

В общем, мы договорились, и я улетаю в Ва-

шингтон, где переночевал в отеле «Континентал», а наутро отправился в Чикаго.

Я уже говорил, что парам, кого расписал в партийном «оффисе», был Джеймс Уст. Позже на правах старого знакомого и жителя Чикаго он показал мне город, и мы даже подошли увидеть отъезд Гичарда Никсона, который в тот день выступал на конференции по борьбе с загрязнением окружающей атмосферы. Очень был любопытно наблюдать, как под охранный несметного количества полицейских и деттивов президент обывал из Чикаго на своем вертолете.

Но это, повторю, было позже, а пока что я еду на лифте в отеле «Мидлэнд», где на одном из верхних этажей работает подготовительный комитет съезда. И снова знакомые лица: «Привет, Владимир!» Это Чак Мак-Фадден и Элизабет Хилл из канадского комсомола, тоже гости учредительного конгресса. Гурьбой делились в комнату подготовительного комитета, и первое, что я вижу, — опять-таки изувольнен, темновозраке лондо Дюварис Тайнера: «А ты что тут делаешь? Через мгновение мы уже хлопнем друг друга по плечу и садимся вместе за стол, вспоминаем свои прошлые встречи, начинаем уточнять детали мо-

ПРИКАЗУ

Авторский
итинг
в Нью-Йорке.
Выступает
Джарвис Тейнер.

Фото
Мэтта Уэйнстена
(США)

го выступления на съезде, и Джарвис рассказывает, как проходит подготовка, улавливает, энергично комментирует...

Джарвису Тейнеру 27 лет, причем более 10 из них он активно работает в прогрессивном молодежном движении Америки. Родился в негритянской рабочей семье в Филадельфии, конечно, с малых лет начал работать, конечно, перепробовал массу специальностей (был чернорабочим, грузчиком, краснодеревщиком — кем он только не был!), конечно, не раз подвергался арестам во время молодежных демонстраций и рабочих забастовок. Мы уже давно знакомы с Джарвисом, и его политический рост проходил буквально на глазах: я имею в виду не только то, что он занимал все более ответственные посты в молодежном движении США (председатель ассоциации «Клубов Дьюба», руководитель американской делегации на Всемирном фестивале в Софии), но и то, что он рас как личность, все увереннее ориентировался в сложной национальной и международной обстановке, становился отличным оратором, сочетая логику, пафос, юмор...

Место учредительного съезда заранее не указывалось, дабы обезопасить его от фашистских

и троцкистских группировок, которых немало кружило рядом. Если первые просто грозили оружием, то последние еще и выпускали листовки, в которых обливали грязью все и вся: и Компартию США, и американский комсомол, и социализм, и Советский Союз. Поэтому лишь накануне вечером было объявлено: учредительный съезд Союзом молодых рабочих за освобождение откроется 7 февраля в 9 часов утра в чикагском отеле «Шерман-хаус».

Необычно зрелище представляла в тот утренний час большая, старомодная отель на одной из центральных улиц Чикаго. По две, по три сходили делегаты, а все восемь или десять входов в гостиницу были перекрыты фотоаппаратами (подъезжали, кто тут от прессы, кто от ФБР), которые нагло, прямо в лицо сигналам каждого. Холл отеля был заполнен разважиными джентльменами, уже не скрывающими, что они-то из ФБР. Бродили всюду, внимательно разглядывали входящих, иногда, впрочем, исчезали для «передышки» в бар.

На втором этаже шла регистрация делегатов и гостей. Комсомольцы устроили двойной контроль, но все же два или три сомнительных типа

пробрались в зал заседаний с фальшивыми удостоверениями. Их, однако, быстро разоблачили, поскольку поддельные пропуска были напечатаны на более толстой бумаге.

Показателен состав съезда. 370 человек были моложе 26 лет. Около 35 процентов составили негры (был и один индеец), 52 процента делегатов были рабочими, 42 процента составляли девушки. Забегая вперед, скажу, что из 36 человек, избравших съездом в Центральные Комитет, 18 были рабочими, 14 мест было отдано девушке.

Зал, где проходил съезд, большой и старомодный, как и весь отель, «Кристалл-холл», был украшен огромными зеркалами и бесчисленными цветастыми клумбочками, рядом с которыми были укреплены плакаты: «Создадим марксистско-леннистскую молодежную организацию», «Мы протестуем против преследования «Черных пантер» и т. д. А в зеркалах отражались посетители, возмущенные молодые лица, выражение которых говорило: да, мы здесь, на своем съезде, и ничто не могло помешать нам собраться в этом зале чистейшим единением, за которыми пойдут рабочие, фермеры, студенты, все прогрессивная молодежь Америки...

Быстро и по-деловому (а бы сказал: по-американски деловито) начался съезд. Попытка на предварительные процедуры и сразу же перешла к политическому докладу Джарвиса Тейнера «Рабочий класс — решающая сила. Все было предельно четко: конкретный анализ обстановки, конкретные требования и задачи борьбы. ВВЕЛ-НАМ, Единственный выход для американского империализма: немедленный вывод всех его войск — наземных, воздушных, морских, сопроводить их РАВНОПРАВНЫЕ НЕГРОВ В США. Прекратить преследование «Черных пантер» и удалить их лидеров, передать суду убийц-расистов. НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА. Борьба против политики Никсона, который стремится остановить инфляцию путем увеличения безработицы в стране (только в автомобильной промышленности уволено 150 тысяч человек, безработица среди молодежи достигает 13 процентов, а среди негров — 25 процентов, причем в некоторых гетто — даже 60—70 процентов). МЕЖДУНАРОДНАЯ АРМИЯ. Активное участие в интернациональном молодежном движении, установление дружеских контактов с прогрессивными молодежными организациями других стран, обращение с просьбой о приеме в ВФДМ.

После политического доклада делегаты создали шесть рабочих групп, где задачи еще более конкретизировались, где в ходе дискуссий предлагались новые акции, кампании, формы борьбы: создать центры помощи молодым безработным, представить в ООН документ, разоблачающий политику геноцида в США, провести кампанию против «Джонсона моторс» и других монополий, не желающих на эксплуатации трудящихся и вьетнамской воины...

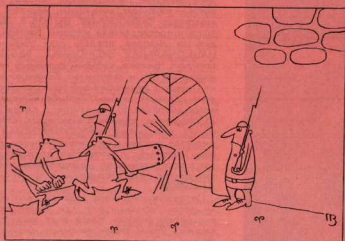
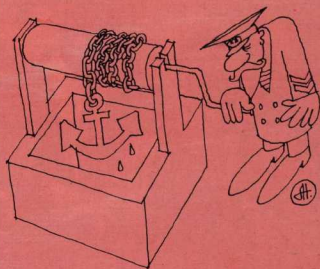
Новорожденный союз услышал немало дружеских напутственных слов от своих зарубежных товарищей. И когда мне довелось передать приветствие съезду от имени советских комсомольцев, когда с трибуны к делегатам обратился представитель ВФДМ Марк Сидней, руководитель канадского комсомола Мак Мак-Фадден, секретарь молодежной секции ЦК Португальской компартии Федерико Томас, когда читали поздравительные телеграммы от молодежных организаций ДРВ, Венгрии, ГДР, Польши, Кубы, КНДР, Франции, Норвегии и других стран, казалось, весь зал «Кристалл-холл» готов был подняться со своих мест, воодушевленный молодежной солидарностью.

На съезде с большой рекой выступил генеральный секретарь Коммунистической партии США Гас Холл. Я бы назвал эту речь не монологом, а немим диалогом с залом, Гас Холл вообще прекрасный оратор, известны его выступления перед большими аудиториями молодежи, известны его громкие студенческие диспуты в университетах и колледжах США. И вот теперь, беседуя со своими молодыми товарищами и единодушными секретарями, что они и творили грандиозную историю, Гас Холл как бы размышлял вслух. Он говорил о неизбежных трудностях, которые идут комсомольцам на избранном ими пути, говорил о том, что марксист-леннист — это не только мышление, но и деятельность, и деятельность та, что перед человечеством уже не стоит вопрос, будет ли социализм во всем мире, но сегодня вопрос заключается в том, как скоро одолеют всемирно победу социализм и коммунизм.

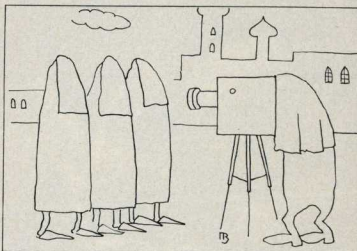
Венером 8 февраля большая часть делегатов уехала поездом из Чикаго, чтобы поспеть в понедельник утром на работу. 9 февраля 1970 года Союз молодых рабочих за освобождение начал борьбу, цель которой выражена в его названии.

Рисунки Андрея НЕКРАСОВА

Рисунки Виталия ПЕСЦОВА

ПОБИТЕЛИ ШАХМАТ- на Старт!

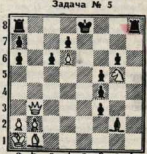
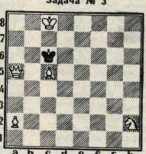
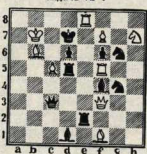
«Смена» объявляет свой традиционный ежегодный конкурс на лучшее решение шахматных задач и приглашает всех читателей — ценителей древней и мудрой игры — на участие в этом старом и популярном конкурсе.

Участникам конкурса предлагается разобрать и найти решения пяти наиболее интересных и опубликованных в этом номере журнала. В зависимости от степени трудности задачи и качества ответа будет засчитываться обусловленное количество очков.

Конечно, многие из вас, дорогие читатели, хотят получить или повысить спортивный разряд по шахматам. Это вы можете сделать, участвуя в нашем конкурсе. За правильные ответы на две композиции присуждается начальный, четвертый разряд. За обстоятельные решения четырех задач наградой будет третий разряд. А участники, которые представят исчерпывающие ответы на все пять конкурсных задач, будут отмечены дипломами победителей и станут шахматными героями этого разряда. Вместе с дипломами редакция выдает им классификационные номера.

Чтобы облегчить работу жюри, редакция просит письма на конкурс писать

возможно более четко, аккуратно, не забывши, кроме фамилии, имени и отчества, указать свой возраст, место работы или учебы и подробный домашний адрес. На конверте письма делайте, пожалуйста, пометку «Шахматный конкурс «Смена»». Запомните сроки отправления писем на наш конкурс: с решениями первых двух задач — до 15 ноября, с ответами на остальные композиции — не позднее 31 декабря 1970 года. Наш адрес: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Редакция журнала «Смена».

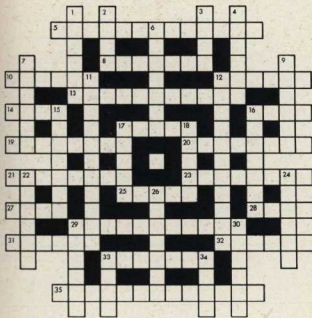
В задаче № 1 (два очка) — белые начинают и дают мат в два хода, в № 2 (три очка) — в три хода, в № 3 (три очка) — в четыре хода, в № 4 (четыре очка) — в шесть ходов, в № 5 (пять очков) — найдите, как белые дают мат быстрее всего.

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Славо в набор 7/VIII 1970 г. А 00130. Подписано и печ. 27/VIII 1970 г. Формат бум. 70 x 109/4. Усл. печ. л. 5,8. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 100 000 экз. Изд. № 1090. Заказ № 2253. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил С. АНДРОНОВ, г. Ваяу

По горизонтали:

5. Наука об ископаемых организмах. 8. Порт в Тунисе. 10. Деревяно, растущие в саваннах Африки. 12. Ветер, периодически меняющий свое направление. 13. Политика неумолимости государства. 14. Пасхиновская рыба. 16. Программа работ. 17. Наидревнейший и общественный деятель. 19. Месторождение нефти в Сибири. 20. Магнитное отклонение, вызываемое мезозонурными явлениями. 21. Нидерландский биолог XVII—XVIII веков. 23. Стенная труба, употребляемая в лабораториях. 25. Опера В. Пуччини. 27. Полярная морская утка. 28. Опера В. Верди. 29. Союзная светлая республика. 31. Французский композитор. 32. Вид керамики. 33. Предприятие розничной торговли. 35. Чемпионка мира по шахматам.

По вертикали:

1. Песчаный холм. 2. Звездное государство. 3. Музыкальный интервал. 4. Спор на научные темы. 6. Морское иглокожное животное. 7. Меховая шапка. 9. Полуостров на востоке Африки. 11. Самая яркая звезда в созвездии Ориона. 12. Прибор для автоматической записи температуры, давления, влажности в разных слоях атмосферы. 15. Полоса в лесу, очищенная от деревьев. 16. Металл. 17. Дорога. 18. Низкий барьер вдоль автацистемы. 22. Расческа М. Горького. 24. Народный артист СССР. 26. Минерал зеленого цвета. 29. Река в Якутии. 30. Порт в Мозамбике. 33. Картина И. М. Левитана. 34. Роман И. С. Тургенева.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 17

По горизонтали:

1. «Перелом». 5. Метанес. 8. Ондатра. 12. «Либрал». 13. Столица. 14. Таверна. 15. Трибуна. 16. Обелиск. 17. Веранда. 18. Алабам. 21. Каранас. 26. Деванат. 30. Короленью. 31. Семестр. 32. Маршутт. 33. Илот. 34. Полю. 35. Пинотип. 37. Русланов. 38. Котлянина. 39. Самыра. 43. Тонгата. 47. Квандарт. 51. Мароно. 52. Реторта. 53. «Колбаса». 54. Ролетта. 55. Кобальт. 56. Рангутт. 57. Леонард. 58. Алтарь. 59. Антракт.

По вертикали:

1. Палатка. 2. Рубрина. 3. Куркума. 4. «Полтава». 5. Масло. 6. Георгия. 7. Кизилка. 8. Доверие. 10. Туранин. 11. «Анастас». 12. Дармовит. 20. Балд. 21. Мандролит. 22. Насалис. 23. Романион. 24. Косига. 25. Сиринга. 26. Дюмитрат. 27. Нарасук. 28. Нарита. 29. Татова. 36. Фонд. 40. Адмирал. 41. «Морозан». 42. Риветта. 44. «Октябрь». 45. «Иривия». 46. Гранат. 47. Коварда. 49. Алланат. 49. Расков. 59. Тринатт.

Словосочетание.

ИЛЬИЧ ПРОЩАЕТСЯ С МОСКВОЙ

Слова Николая ДОБРОНРАВОВА

Музыка Александры ПАХМУТОВОЙ

Еще глядят дугаеязы орлы
С высот Кремля на улицы Москвы,
Летят сухие листья над рекой,
Ильич прощается с Москвой.

Осенний день невраок и недолог...
В последний раз он выбрался из Горок.
Он так любил простор ее живнов...
Ильич прощается с Москвой.

А перед ним — бессмертные, как песни,
Те баррикады первые на Пресне,
Он видит их, счастливых, молодой...
Ильич прощается с Москвой.

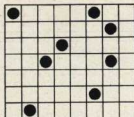
А перед ним идут с войны солдаты,
Они идут в далеком сорок пятом,
Он машет им слабеющей рукой...
Ильич прощается с Москвой.

А над Кремлем все ниже облака.
А мизис исправленно куротка,
Ты беспощаден срок ее земной...
Ильич прощается с Москвой.

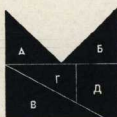
Пред ним — тропа, ведущая в бессмертье,
А он грустит об уходящем лете...
В занатный час с любовью и тоской
Ильич прощается с Москвой.

1. Фигуру расчерти на четыре равные части, чтобы в каждой из них помещалось только два кружка.

2. Из фигур, обозначенных буквами, нужно сделать квадрат.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 17

1. СТРЕЛКА ПОДВИЖАЕТСЯ ВЛЕВО.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

На сорок первый год планировалась его выставка, и Климент Николаевич с волнением и радостью готовился к ней. Это должна быть не просто выставка, а отчет, страна строила социализм. Он тоже не трагил время напрасно — писал, много писал в Париже, Мадриде, Риме, но не показав на выставке страну социализма было нельзя, и Климент Николаевич старался наверстать, нагнать время. Но выставка Редько так и не открылась. Началась война.

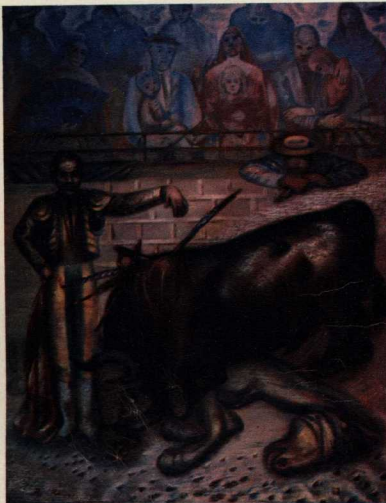
Как и тогда, в грандзакую, Редько обратился к плану. Он работает в Онекс ТАСС, затем служит в эвакуационной госпитале, служит как солдат. Там, среди страданий и смерти, рядом с операционной, открылась его выставка. Она называлась «Герои Отечественной войны» и включала порт-

реты тех, кто лежал в этом госпитале. За эту выставку командование представило художника и боевой награде — орденам Отечественной войны. В Париже художники считали признанием ленту Почетного легиона в петлице; ему выпала другая честь: сравнять свою кисть со штыком, как писал его друг Малковский, пришедший от желтой кофты и атакующему классу.

Случилось так, что после войны Климент Редько был незаслуженно забыт. Его картины пылились и меркли от холода. Их не хотели выставлять. Художник умер, еще живя, и даже его ученики — Фузуцце агрономы и эротические из художественной студии при Тимирязевской академии — не заявили Николаевичу о нем. Потом Климент Николаевич умер. Он умер от крово-

ОВЕЧИЙ ИСТОЧНИК, 1933 год.

БОИ БЫКОВ, 1928 год.

ПОСЛЕ ОХОТЫ, 1925 год.

ПАРИЖАНИН, 1932 год.

излияния в мозг и за несколько часов до смерти, отдавая палату в Боткинской больнице, горько сказал мне:

— Здесь хорошие стены. Привези сюда картины, мы устроим выставку.

Выставку устроили много позже, после смерти. Признание, и советам, конечно, запаздало. Полотно художника хранилось в нас-форские и парижских музеях, а главное, что он написал, стояло за платяным шкафом у вдовы — в тесном уголке под ситцевой занавеской.

Вдова художника пятнадцать лет была хранителем, почтателем и знатоком этого наследия. Ей предлагали изобрести от «ромодных картин», продать их за границу, там бы нашлись покупатели, но ни одно полотно не ушло из этой тесной комнаты. «Он привез все это из Франции и хотел, чтобы его картины были дома», — говорила она.

Через пятнадцать лет после смерти художника Русский музей взял из коллекции вдовы лучшие полотна. Попав в Русский музей мечтают все русские художники.

***

...В маленькой комнате, где живет вдова, картины нельзя было увидеть все сразу, и они сварили друг друга. Крайний Север, Страны Азии, та самая «Парижанка», которую звали Пинассо, и «Парижанин», написанный поэтом — в пару и «Парижанка», «Бой быков» — воспоминание о Мадриде и нежный портрет Союзницы...

Седая женщина задумчиво вглядывалась в образы, матную улыбка, переставляла тяжелые рамы.

А в приоткрытую дверь балкона врывался легкий ветер. Он приносил запах листвы, омытой теплым дождем...

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820